

К 1370144

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. С. ЧЕРКАСОВА

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ**

Учебное пособие

ВОЛОГДА
«РУСЬ»
2000

ВВЕДЕНИЕ

Заметной чертой происходящего сейчас обновления исторического образования в нашей стране стал выход массы новых и вариативных школьных и вузовских учебников по всеобщей и отечественной истории. Их авторы ведут поиски иных, чем прежде, «парадигм» исторического процесса в рамках антропологического, культурологического, цивилизационного, иных подходов. Стараются они полнее учесть и опыт русской дореволюционной и современной зарубежной историографии. Существенные изменения в информационной базе новых учебных изданий отодвинули, на наш взгляд, на третьестепенный план общие теоретические проблемы разных разделов исторической науки.

В этой связи представляется небесполезным подготовка различных учебно-методических пособий для студентов, в которых были бы рассмотрены сквозные и наиболее важные теоретические проблемы изучаемых ими курсов. В числе таких проблем по курсу истории России периода феодализма (IX — середина XIX в.) нами избраны следующие: эволюция феодальной собственности, иммунитета и ренты. Проблемы эти всегда были сложными и в теоретико-методологическом плане, и для конкретно-исторического исследования. В предлагаемом пособии данные явления рассматриваются нами с момента их зарождения и преимущественно до рубежа XVII—XVIII веков.

Изложение материала членится заголовками, отражающими разные формы и этапы рассматриваемых явлений. Пособие учитывает необходимость углубления *учебно-исследовательских* форм и приемов аудиторной и самостоятельной работы студентов. С этой целью текст нередко прерывается вопросами историографического, источниковедческого, теоретического характера. Эти вопросы должны служить для студентов способом самопроверки усвоения читаемого материала. Наряду с вопросами студентам также предлагается самостоятельный анализ источников различного типа и происхождения. Выработка умений и навыков анализа документов — одна из главных задач в учебной работе со студентами по предметам исторического цикла. Несмотря на теоретический в целом профиль пособия, в нем затрагиваются и ведущие содержательные линии *конкретно-исторической* эволюции феодальной собственности, ее атрибута — иммунитета — и ренты. При этом в доступной для понимания форме намечаются межпредметные связи и аналогии с институтами, явлениями, процессами прежде всего западноевропейского средневековья. Они должны помочь пониманию целостности всемирно-исторического развития и его закономерностей.

Без учета избранных проблем феодальное общество, где бы то ни было, не может быть описано и познано на системном уровне. Собственность, иммунитет, рента — это, несомненно, наиболее «конституирующие» признаки феодального развития, позволяющие выстраивать его типологию на Западе и Востоке.

Предлагаемое учебно-методическое пособие адресовано в первую очередь студентам дневного и заочного отделений исторического факультета. К нему могут также обращаться и уже закончившие вуз молодые практикующие учителя для углубления своего теоретического уровня. Оно может помочь и студентам, углубленно изучающим право, поскольку в ряде разделов речь идет о развитии историко-правовых институтов и норм, анализируются юридические памятники.

Автор пособия выражает свою признательность рецензентам: кандидату исторических наук О. В. Артемовой, доктору исторических наук А. В. Коптеву, первым прочитавшим рукопись и сделавшим ряд ценных замечаний по содержанию, а также научному редактору — доктору исторических наук, профессору А. В. Камкину.

ГЛАВА I

ОБЗОР ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII—XX вв.

Термин «феодализм» происходит от латинского слова «феод» (тождественного французскому «фьеф», немецкому «лен»), обозначающего наследственное земельное владение, обусловленное несением преимущественно военной службы вассалом сеньору и выполнением других обязанностей. Эти обязательства были не односторонними, а взаимными, распространяясь как снизу вверх, так и сверху вниз по социальной вертикали: сеньор — вассал.

1.1. Начало изучения феодализма

В наиболее узком, традиционном смысле феодализм можно определить как особый строй поземельных и служебных отношений в средние века — длительную эпоху в истории человечества между античностью и новым временем. В западноевропейской и русской историографии феодализм начал изучаться в XVIII в. Французские просветители Вольтер и Монтескье писали о «феодальных законах», «феодальном праве», «феодальном правлении». Законы эти регулировали систему платы землей за исполнение военной службы. Под феодальным правлением Монтескье понимал правовой аспект взаимоотношений между монархией и военно-земледельческим сословием. Автор «Духа законов» считал феодализм явлением, общим для всей Европы — от Московии до Испании. Всюду были сеньоры — владельцы крупных латифундий, то есть феодальная знать.

1.2. Изучение феодализма в русской историографии XVIII в.

Под влиянием Монтескье выдающийся русский историк немецкого происхождения Г. Ф. Миллер писал об учреждении в России в старину феодального правления: разделения страны между дружинниками, которыми являлись варяги-завоеватели, как это было и в других государствах (разделение страны). И. Н. Болтин начал сравнительно-историческое изучение русского и западноевропейского феодализма. Он усматривал сходство между французским «фьефом» и русским поместьем и связывал с феодализмом ослабление верховной власти, наличие иерархии в среде князей, бояр и дворян. В отличие от Франции, где феодализм утвердился в результате германского завоевания, на Руси произошло мирное утверждение этого строя поземельных отношений. У Болтина можно найти мысль не только о

политическом, но и социальном феодализме, то есть о власти помещика (вотчинника) над своими крестьянами.

С. Е. Десницкий писал о возникновении крупной феодальной собственности на сельскохозяйственной стадии развития человечества. Собственность эта соединялась с политической властью землевладельцев, что означало ослабление верховной власти. Такой порядок был присущ и для Западной Европы, и для России.

1.3. Изучение феодализма в русской историографии XIX — первой трети XX в.

В историографии до конца XIX в. феодализм в России большинством ученых не признавался. Они больше писали о самобытном историческом пути России, отличном от Западной Европы, где как раз в это время устои феодализма рушились под ударами буржуазных революций. Некоторое сходство отдельных феодальных институтов в Западной Европе и России отмечали Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский.

Новый этап в изучении феодализма был связан с новаторскими работами Н. П. Павлова-Сильванского, вышедшими в конце XIX — начале XX в. На обращении этого ученого к сравнительно-историческому изучению проблем русского феодализма, несомненно, сказались успехи русской медиевистики — работы П. Г. Виноградова, А. Н. Савина, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, Д. П. Петрушевского и др. в области аграрной истории западноевропейского средневековья и раннего нового времени. Н. П. Павлов-Сильванский увидел в феодализме как государственно-общественном строе главную линию развития средневековой Руси в XII—XVI вв., когда феодальные договоры служили правовой основой вассальной иерархии. Связь собственности с политической властью и раздробление самой этой власти в удельный период — таковы черты классического феодализма в России, по мнению Павлова-Сильванского. Оппоненты ученого М. Ф. Владимирский-Буданов, П. Н. Милоков, А. И. Неусыхин упрекали его в формально-юридическом подходе к сравнению институтов русского и западноевропейского феодализма (вотчина — фео́д, поместье — бенефиций, боярщина — сеньория, вотчинный режим — иммунитет, боярская служба — вассалитет; защита, закладничество — патронат, кормление — лен — должность (fief — office) и т. д.), в стадийной несопоставимости сравниваемых институтов.

По мнению П. Н. Милокова, в средневековой Руси слабее были представлены такие черты феодального быта, как раздробление государственной власти и крупное землевладение. Наиболее полно эти черты проявились, как

полагал Милюков (а позднее и С. В. Юшков) не в Северо-Восточной, а в Юго-Западной Руси.

1.4. Изучение феодализма в XX в.

Несмотря на критику и безвременную кончину Павлова-Сильванского в 1908 г., намеченное его трудами направление в изучении феодализма получило дальнейшее развитие в отечественной историографии первой трети XX в. Разработку проблем феодального развития на основе идеи крупной собственности, вотчины-сеньории продолжил выдающийся историк-аграрник, а в советское время академик Б. Д. Греков. В 1914 и 1926 гг. им были опубликованы капитальные монографии по истории землевладения и хозяйства Новгородского Софийского дома. В 1959—1960 гг. они были переизданы в «Избранных трудах» академика Б. Д. Грекова. Сложившийся как ученый в рамках школы «экономического материализма» еще в дореволюционное время, Б. Д. Греков в конце 20-х — 30-е годы перешел на идейно-теоретические позиции марксизма. Разработка им проблем феодального периода велась в 30-е годы в двух направлениях. *Во-первых*, в 1934 г. им были изданы «Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне». В этой книге Б. Д. Греков как бы «нанизал» развитие феодализма на эволюцию крупной вотчины сначала Древней (XI—XIII вв.), затем Северо-Восточной Руси (XIV—XVI вв.). Разницу между ними ученый видел в способах эксплуатации: в древнерусской вотчине — отработочная рента, в северо-восточной — натуральный оброк. Тем самым намечалась преемственность древнерусского и великорусского периодов истории России.

Во-вторых, интересы ученого все более «сдвигались» к начальному этапу феодального развития на Руси, генезису феодализма в ней в IX—XII вв. Главным в процессе феодализации Б. Д. Греков считал превращение свободного крестьянина в зависимого. Крестьянская зависимость понималась им как неперемное условие феодального строя. Отсюда, быть может, происходило отождествление Грековым понятий «феодализм» и «крепостничество». И тот, и другое формировались на почве древнерусской крупной вотчины. Крепостничество есть главнейший атрибут процесса феодализации. Ведущим экономическим фактором древнерусского периода Греков считал земледельческое хозяйство мелкого производителя и его эксплуатацию крупным землевладельцем. В этом выразилась новизна подхода Грекова к феодализму под влиянием марксистской теории — взгляд на него как на способ производства и эксплуатации. Важно учитывать то, что в марксизме сущность частной собственности (а вотчина признавалась именно частной

собственностью) всегда сводилась к эксплуатации человека человеком. Отсюда и проистекал интерес Б. Д. Грекова к тому, как организовано крупное вотчинное землевладение и хозяйство.

В докладе «Рабство и феодализм в Древней Руси» (1934 г.) Греков дал понимание феодализма как двухклассового общества, на одном полюсе которого мы видим землевладельцев, на другом — лично-зависимых крестьян. В тот период землевладельцы нередко являлись одновременно и рабовладельцами. Господствующей формой общественных отношений при феодализме Греков считал внеэкономическое принуждение и личную зависимость непосредственного производителя от владельца земли. Однако конкретно-исторические указания Б. Д. Грекова на существование боярских вотчин уже в IX—X вв. выглядели не очень убедительно (археологические данные об укрепленных замках VIII—IX вв., договоры Руси с греками X в.). Более подкрепленными данными источников были выводы о княжеской, боярской и церковной вотчине XI—XIII вв. (Краткая и Пространная Правда, летописи). На их основе ученый подробно исследовал вопросы организации крупной вотчины и положения в ней разных категорий зависимого населения (смерды, рядовичи, закупы, холопы).

Помимо Б. Д. Грекова, генезисом феодализма в Древней Руси занимались в 20—30-е годы С. В. Юшков и Н. Л. Рубинштейн. В 1925 г. Юшков опубликовал книгу «Феодальные отношения в Киевской Руси», а в 1939 г. — «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси». В названных работах акцент также делался на развитии крупного землевладения князей, бояр и церкви. Процесс этот в Южной и Северной Руси протекал неравномерно. Значение крупного землевладения в Древней Руси отмечал и Н. Л. Рубинштейн в своих «Очерках по истории Киевской Руси, опубликованных в 1930 г. на украинском языке. Первым по времени возникновения было княжеское землевладение и хозяйство, затем по его образцу конструируются боярское и монастырское хозяйства. Обратим внимание на важность понятия *вотчина-сеньория*, которое развивалось в работах Грекова, Рубинштейна, Юшкова. В Пространной Правде можно найти указания на власть феодала по отношению к зависимому крестьянству, феодал выступает не просто как собственник земли, но и как государь своих крестьян, обладающий административными и судебно-политическими правами. В 1930-е годы такое представление помогло пониманию общности исторического развития России и Западной Европы.

1.5. Изучение феодализма в 50-х — начале 90-х годов XX в.

Продолжением Грековского подхода к исследованию проблем феодализма в России можно считать, начиная с 50-х годов, разработки ленинградских ученых, старшим представителем которых был ученик Грекова И. И. Смирнов. Им развивался взгляд на феодализм, воплощаемый в наиболее адекватном самой его природе явлении — вотчины-сеньории. Эта последняя в процессе феодализации постепенно поглощает свободную крестьянскую общину. И. И. Смирнов писал о двух важнейших сторонах в процессе феодализации. *Земельная* ее «сторона» заключалась в превращении общинных земель в феодальные владения. *Крестьянская* «сторона» — в превращении крестьян из свободных общинников, обрабатывающих собственную землю, в феодально-зависимых крестьян, обрабатывавших землю феодала.

Единомышленниками, учениками и последователями И. И. Смирнова (Г. Е. Кочиным, В. В. Мавродиным, А. И. Копаневым, Н. Е. Носовым, Ю. Г. Алексеевым, И. Я. Фрояновым) был собран и систематизирован обширный материал об общественном строе славян догосударственной эпохи, длительном вызревании феодальных отношений в разных регионах Руси, особенностях социально-правового положения черносошных крестьян (преимущественно на Севере), полноте их владельческих прав на землю, поставлена новая проблема альтернативности развития Руси в XVI в., воплощаемой в борьбе тенденций феодально-крепостнической и раннебуржуазной эволюции.

Качественно новый подход к изучению проблем феодализма в России находим в научном творчестве академика Л. В. Черепнина. Уже в работах 50-х годов им обосновывалась та мысль, что феодализм в России как целостная система не может быть исчерпывающе описан и понят только в рамках своих классических — вотчинно-сеньориальных — проявлений. Анализу должна быть подвергнута вся государственно-феодальная система, начавшая складываться в киевский период на основе верховной (государственной) собственности на землю, реализуемой в форме ренты-налога. Большое *внутринаучное* влияние на осмысление феодализма в России оказала фундаментальная монография академика Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа гр. П. Д. Киселева» (1946—1948 гг.). У Дружинина было два отправных теоретических положения: 1) высказывание В. И. Ленина о том, что «в крестьянской реформе оболочка феодализма (и помещичьего феодализма, и государственного феодализма, о котором вслед за Плехановым говорил в Стокгольме Мартынов) очень сильна; 2) высказывание К. Маркса в «Капитале» о таких «чистых» формах, когда «непосредственным производителям противостоят не частные собственники, а государство как верховный собственник земли и вместе с тем суверен, и при

этом рента и налог совпадают». Под чистым типом государственного феодализма В. И. Ленин разумел в конкретно-историческом плане систему государственных отношений, сложившуюся на землях, занятых государственными крестьянами. В своем фундаментальном труде академик Н. М. Дружинин писал о феодальном государстве как монопольном земельном собственнике. Государственные крестьяне — держатели казенной земли — были обязаны платить государству феодальную ренту в форме оброчных денег и натуральных взиманий. Л. В. Черепнин обратился к исследованию того же круга явлений в более ранний, древнерусский, период.

В рамках дискуссии о феодальной земельной собственности, на страницах журнала «Вопросы истории» в 1953 г. Л. В. Черепнин в специальной статье впервые выдвинул мысль о верховной государственной собственности на крестьянские общинные земли в Древней Руси как разновидности собственности феодальной. Ее реализация осуществлялась через систему эксплуатации в виде *ренты-налога*. Исследователь тем самым попытался отойти от традиционного понимания феодальной собственности как сугубо частной, хотя и признавал развитие последней наряду с развитием ее государственной формы.

В монографии «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.» (1960 г.) Л. В. Черепнин высказал взгляд на черные крестьянские земли как на разновидность феодальной государственной собственности, а на черных крестьян — как на один из разрядов феодально-зависимого населения, эксплуатировавшихся посредством совокупности государственных налогов и повинностей. Последовавшая после выхода в свет монографии Л. В. Черепнина дискуссия (ее открыла развернутая и весьма содержательная статья И. И. Смирнова в журнале «История СССР» за 1962 г., №№ 2—3) о природе черных крестьянских земель позволила двум группам историков — по преимуществу московской и ленинградской — уточнить и углубить ряд принципиальных позиций в понимании эволюции феодализма в России.

Значительным вкладом в сравнительно-историческое изучение феодализма стал выход в 1972 г. коллективной монографии советских ученых А. П. Новосельцева, В. Т. Пашуто и Л. В. Черепнина «Пути развития феодализма: Средняя Азия. Закавказье. Прибалтика. Русь». В ней был осуществлен принцип синхро-стадиального анализа важнейших сторон генезиса и развития феодализма в разных регионах тогдашнего СССР. В разделе, посвященном Руси IX—XV вв., Л. В. Черепнин глубже развил свою концепцию «окняжения» земли в период Древней Руси, которое рассматривалось как один из основных путей формирования и государственной, и сеньориальной разновидности феодальной земельной собственности и соответст-

вующих форм эксплуатации. Отвечая на критику оппонентов, Л. В. Черепнин развил свое понимание ренты-налога в Древней Руси. В совокупности государственных налогов и повинностей, падавших на черных крестьян, выделялись и чисто рентная сторона, и то, что вытекало непосредственно из публично-правового статуса государства, из государственного суверенитета.

В 1960—1970-е годы, таким образом, происходил творческий пересмотр «вотчинной» концепции Б. Д. Грекова о существовании уже в IX—X вв. частной собственности на землю (Л. В. Данилова, Я. Н. Шапов, В. Л. Янин, А. Л. Шапиро, И. Я. Фроянов). Феодалная собственность, как считал Черепнин, первоначально существовала в форме верховного княжеского землевладения, имела корпоративный характер (князь и дружина были ее субъектами), а потребности формирующегося господствующего класса удовлетворялись через систему кормлений. Не отрицая важности вотчинно-сеньориальных форм собственности, советские ученые в 70—80-е годы (Л. В. Черепнин, П. В. Советов) само соотношение государственной и сеньориальной разновидностей феодалной собственности предложили рассматривать как важнейший критерий *типологизации* феодалных обществ на разных этапах развития феодализма.

В 80-е — начале 90-х гг. XX в. было создано несколько обобщающих, коллективных и комплексных исследований по крестьяноведению. Посвящались они памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. Это была трехтомная «История крестьянства Европы. Эпоха феодализма» (М., 1985—1986. Т. I—III) и «История крестьянства СССР» (с 1993 г. — России) — Т. I—III (1990—1993 гг.). В этих фундаментальных трудах крупнейших отечественных специалистов был аккумулирован огромный конкретно-исторический и теоретический материал, важный для сравнительного и типологического изучения западноевропейского и русского феодализма в разных странах и регионах Европы и на разных стадиях развития. На основе названных трудов можно предложить студентам следующую периодизацию феодализма в России, соотношенную с периодами его развития в странах Западной и Центральной Европы.

1.6. Периодизация феодализма в Европе

	Периоды феодализма			
	ранний	развитой		поздний
		I этап	II этап	
Западная Европа	VI—X вв.	XI—XIII вв.	XIV—XV вв.	XVI—XVIII вв.
Северная, Центральная и Восточная Европа	IX—XII вв.	сер. XII — кон. XV в.	XVI — сер. XVII в.	сер. XVII — сер. XIX вв.

На первом этапе происходит становление феодальной государственности и феодальной собственности как двух взаимосвязанных процессов. Были разные пути феодализации: более быстрый, в регионах синтеза (взаимодействия позднеантичных и варварских элементов) и более замедленный, на основе разложения родо-племенного строя. Главным содержанием процесса феодализации на первом этапе генезиса феодализма авторы «Истории крестьянства в Европе» считают феодальную перестройку, «переплавление» отношений рабства, кабалы, несвободы, унаследованных от поздней античности. Важной стороной процесса феодализации был распад кровнородственных связей (у народов Центральной и Восточной Европы), а также — во всех регионах формирование *соседской* общины. К X—XI вв. в Западной Европе в основном завершилось феодальное подчинение массы сельского населения.

В регионах Восточной Европы, в том числе и на Руси, первичные процессы феодализации отличались несомненной замедленностью. Это был регион *бессинтезного* генезиса феодализма, не испытывавшего ни прямого, ни опосредованного (разве что через Византию, но и в ней самой длительное время сохранялась позднеантичная государственность и долго разлагался рабовладельческий уклад) античной цивилизации. Еще одно объяснение этой замедленности можно видеть в неисчерпаемых возможностях для Руси (а затем и России) внутренней колонизации, в ходе которой заново воссоздавались и регенерировались многие первичные формы социально-экономической и политической жизни.

Критерием перехода от раннего к развитому, зрелому феодализму служит утверждение вотчины как формы феодальной земельной собственности. Период развитого феодализма авторами «Истории крестьянства в Европе» делится на два этапа (см. таблицу). На первом его этапе (для Англии, Франции, Германии — XI—XIII вв., для России — XII — конец XV в.) наблюдается расцвет феодальной вотчины-сеньории, системы сюзеренитета-вассалитета, иерархии феодальных землевладельцев. В отличие от стран Западной Европы, в странах Центральной и Восточной Европы второй этап зрелого феодализма наступил позднее и продолжался от рубежа XV—XVI вв. примерно до середины XVII в. Для Англии и Франции этот этап протекает в более раннее время, в XIV—XV вв., когда наметились качественные сдвиги в уровне и темпах экономического развития. М. А. Барг называл первый этап развитого феодализма в Западной Европе *сеньориальным* (XI—XIII вв.), а второй — *парцеллярно-крестьянским* (XIV—XV вв.). Разделение между этапами проводится этим ученым исходя из того, где производился прибавочный продукт — в хозяйстве сеньора или в хозяйстве зависимого от него держателя.

На Руси, в отличие от Западной Европы, первый этап развитого феодализма оказался более растянутым во времени. В дополнение к ее политическому разделению периода феодальной раздробленности на страну обрушилось суровейшее испытание в виде татаро-монгольского нашествия в 1238—1241 гг. и последовавшего затем золотоордынского ига. Колоссальное разрушение производительных сил, систематическое ослабление городов и товарно-денежного обращения в условиях незавершенной еще к XIII в. феодализации, постоянные (повторимся) возможности для внутренней и внешней колонизации неосвоенных земель — все эти факторы предопределили более замедленные темпы исторического развития России в XIII—XVII вв., повышенную роль в ней государственно-политических институтов, медленное изживание наиболее архаичных черт аграрного строя, управления, эксплуатации.

Второй этап развитого феодализма в России (рубеж XV—XVI в. — до середины XVII в.) совпал во времени с завершением политического объединения Руси, образованием и укреплением централизованного государства в форме сословной монархии.

Позднему феодализму (в России с середины XVII в. и до отмены крепостного права в 1861 г.) соответствовала исторически последняя форма феодального государства — *абсолютная монархия*. В это время происходит укрепление и консолидация господствующего класса на основе сближения поместно-вотчинных форм собственности. Вместе с тем усиливается товарно-денежное развитие, его воздействие на аграрную сферу, господские и крестьянские хозяйства сильнее втягиваются в начавший с XVII в. формироваться всероссийский рынок. Подробно исследовавший аграрный строй средневековой Англии М. А. Барг писал, что в период позднего феодализма происходит переход от его сеньориальной фазы к той его фазе, в рамках которой значительно усилились феодально-государственные отношения собственности и ослабились сеньориально-вотчинные, частновладельческие. Л. В. Милов в специальной статье о российском типе генезиса капитализма совершенно верно, как нам представляется, сравнивает Англию второй половины XIV—XV вв. с Россией второй половины XVII в.

В новейших научных работах большое внимание уделяется системному анализу роли природно-климатического фактора в истории России. Л. В. Милов пишет об обусловленном этим фактором коротком периоде сельскохозяйственных работ в нашей стране, низком объеме вырабатываемого крестьянами совокупного общественного продукта, несмотря на их умноженные трудовые затраты, на необходимость жесткого государственного (и вотчинного механизма) отчуждения этого продукта, отчего проистекали такие ведущие черты русской истории, как закрепощение крестьянства

и деспотизм политической надстройки. Более подробно с концепцией Л. В. Милова студенты могут познакомиться в его новейшей монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» (1998 г.), которая уже получила высокую оценку нашей научной общественности.

Обратим внимание студентов на то, что в современном образовательном Стандарте по истории для школы (М., 1995) в качестве *принципиальных цивилизационных особенностей* средневековой Руси выделяется определяющая роль государственной власти в общественном и экономическом развитии страны. Подчеркиваются замедленность складывания частновотчинных форм собственности и усиление форм государственного феодализма.

Если говорить о *синхро-стадиальном* анализе, то, думается, происходящие в России экономические процессы на поздне-феодальном этапе (XVII—XVIII вв.) во многом сопоставимы и аналогичны тем процессам и тенденциям развития, которые известны для Западной Европы XIV—XVI вв. Поэтому приведенное выше сопоставление Л. В. Миловым Англии и России выглядит совершенно правомерным.

Вопросы для повторения

1. Что означает понятие «феод», «фьеф», «лен»? Кто первым в науке начал изучать феодализм?
2. Чем отличаются подходы к изучению феодализма у Б. Д. Грекова и Л. В. Черепнина?
3. Как вы усвоили периодизацию феодализма по предложенной таблице? Дайте характеристику каждому периоду. Что общего и особенного было в эволюции государственности, форм собственности, феодальной зависимости крестьянства на каждом из этапов? Как соотносятся, на ваш взгляд, понятия «поздний феодализм» и «раннее новое время» (именно последнее более всего используется сейчас в учебной литературе для XVI—XVIII вв.)

ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ В XI—XVII вв.

II.1. Теоретические аспекты проблемы

Современные экономические и политологические словари определяют собственность как систему экономических и юридических отношений между людьми по поводу условий и результатов производства. Собственность — это юридически закрепленное право владения, пользования, распоряжения имуществом, как говорят юристы, «своей властью и в своем интересе».

В средневековом, феодальном обществе главным объектом собственности была земля. Обладание ею определяло общественное положение человека. Наибольшей ценностью земля была вследствие сильной привязанности традиционного средневекового общества к своему природному базису, сильной зависимости от природных условий жизнедеятельности. К. Маркс писал в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» о земле как главном объективном условии труда, воспроизводства живого индивида. Присвоение земли как условие труда предшествует труду в качестве его предпосылки. Поэтому именно эволюция собственности на землю лежала в основе развития аграрного строя средневековья, формы собственности и их соотношение (скажем, государственной и сеньориальной) определяли «физиономию» данного феодального общества, направление его развития в целом.

Феодальная собственность обладала своей спецификой, отличающей ее от, скажем, буржуазной, наиболее «чистой», классически частной, собственности. Современные исследователи (М. А. Барг, А. Я. Гуревич, Л. В. Милов, А. Д. Горский, В. Д. Назаров и др.) отмечают, что феодальная собственность всегда выступала как не до конца полная, частная, индивидуальная. Она всегда заведомо была обременена чертами, элементами, связями не частного, а публично-правового свойства. В ней всегда присутствовали признаки собственности групповой, сословно-монопольной, сословно-корпоративной, ассоциированной, условной, иерархической, расчлененной между корпорациями собственников. Некоторые исследователи (например, М. В. Колганов, А. Я. Гуревич) прямо пишут о неприемлемости определения феодальной собственности как частной вообще.

Для средневековья была характерна слабая отчлененность политических отношений и институтов от экономической сферы. Поэтому обладание собственностью здесь, какую бы конкретно-историческую форму оно ни принимало, всегда предполагало несение определенных обязательств, функций,

полномочий по участию в государственном и общественном управлении. Для изучения процесса феодализации Древней Руси (IX—XII вв.) и дальнейшего развития феодализма (XII—XV вв.) отмеченные черты напрямую связаны с проблемами формирования господствующего класса и особенностями этого процесса вплоть до XV—XVI вв. М. А. Барг в своей содержательной теоретической статье о природе феодальной собственности определяет последнюю как *историческую форму земельной монополии иерархически сочлененной корпорации собственников, опосредованной отношениями прямого господства и подчинения.*

Следует отметить две составляющих феодальной собственности на землю: 1) специфическая форма земельной монополии феодалов в сочетании с хозяйственной самостоятельностью крестьян-земледельцев; 2) личная зависимость последних от номинальных собственников их наделов. В теоретическом плане соотношение поземельных прав между феодалами и крестьянами обычно представляется как собственность на землю для первых и владение землей для вторых. Л. В. Милов отмечает, что в конкретно-историческом плане соотношение категорий «собственность» и «владение» не столь строго, оно подвижно. Объем владельческих прав на землю феодальнозависимого крестьянства обуславливался данной стадией развития феодальных отношений, степенью и формами эксплуатации и личной несвободы и рядом других обстоятельств. Поэтому объем этот мог сближаться с фактической собственностью крестьянина на землю, неполной собственностью, но мог быть идентичен и понятию простого землепользования.

II.2. Генезис земельной собственности в Древней Руси (IX—XII вв.)

При традиционном подходе к феодализму (понимаемом как соединение крупного землевладения с политической властью) начало собственности на землю обычно связывалось с образованием вотчинных ее форм. До недавнего времени в школьных учебниках по истории России (под ред. Б. А. Рыбакова, имеется новейшее, 1997 г., его переиздание) говорилось об образовании десятков и сотен княжеско-боярских вотчин в Киевской Руси IX—XI вв. Помимо собственных археологических изысканий Б. А. Рыбакова (раскопки дружинных курганов древнего Чернигова), вывод этот историографически восходит к монографиям Б. Д. Грекова, именно так трактующим начало образования феодальной собственности в Древней Руси (об этом см. в 1 гл.).

В исследованиях Л. В. Черепнина 50—70-х годов, как уже говорилось выше, был предложен другой подход к этой сложной проблеме. Ученый развивает мысль о *верховой (государственной) собственности на землю в*

Древней Руси. В конце IX—XI в. происходило «окняжение» территории соседских общин путем распространения на них княжеского суда (= управления) и взимания дани. Бывшие прежде добровольными и ненормированными приношения общинников в пользу своих старейшин, вождей, жрецов постепенно становятся, по мнению А. А. Горского, обязательными, регулярными, нормированными («по белке со двора», «по щелягу»), связанными с землей («от плуга», «от рала»).

«Окняжение» территории соседских общин и племен производилось княжеской властью совместно с военно-служилой, профессиональной организацией — дружиной, поэтому мы вправе говорить о государственно-корпоративном характере собственности на землю в конце IX—XI в. Формирующийся на основе дружины господствующий класс весь в целом был привлечен к выполнению административно-организационных, судебных, налоговых функций. Благодаря их осуществлению происходило устройство территории, ее первичная феодализация.

Ранее всего в Древней Руси складывается княжеская вотчина. Путь ее образования мог быть связан с выделением в личную собственность носителей верховной власти отдельных сел и погостов, уже освоенных в государственно-корпоративном фонде. В исследовательской литературе собраны все свидетельства письменных источников (прежде всего летописей) о княжеских селах. Нормативные же основы по структуре и управлению, зависящему населению княжеской вотчины содержит такой подробно изучаемый студентами источник, как Правда Ярославичей (середина — вторая половина XI в.). В дальнейшем домениальное (оно же дворцовое) землевладение русских князей станет самым крупным по объему сектором феодальной собственности в средневековой Руси. В новейшем экспериментальном школьном учебнике по истории России под ред. Л. А. Кацвы и А. Л. Юганова говорится о княжеских домениальных селах. Правда, авторы вслед за И. Я. Фрояновым и под влиянием его работ усматривают в этих селах преимущественно коневодческий и вообще промысловый, а не земледельческий профиль.

Со второй половины XI и в XII в. начинает формироваться на Руси и *боярская вотчина*. Один путь ее образования был связан с пожалованием князьями своим «мужам»-дружинникам права на сбор дани, других доходов, на отправление административно-судебных функций на определенной территории. В Западной Европе такое явление тоже было известно в раннефеодальный период. Это так называемый «*рентный фьеф*» (fief-office) — обладание не непосредственно землей, а правом управления над населением и присвоением причитающихся за это доходов. Классический пример такого

пожалования — это передача кн. Игорем Старым варягу Свенельду в X в. в управление Древлянской земли.

Другой путь образования боярских вотчин — это прямые княжеские земельные пожалования своим дружинникам населенных людьми земельных и промысловых комплексов. Однако ведущим для рассматриваемого времени был первый путь. Для наиболее глубокого его понимания советуем студентам подумать над понятием «*власть-собственность*». Оно плодотворно развивается сейчас в исследованиях по русскому и восточному феодализму, например в работах китаевода Л. С. Васильева. Институт власти-собственности (древнерусское воплощение его — система кормлений) сочетал в себе характеристики управления и *эксплуатации*. В нем нерасчлененно выступали собственность на землю (через *присвоение* доходов) и власть над живущим здесь населением. На Востоке, как пишут И. М. Смилянская и Л. Б. Алаев, понятия «управлять» и «владеть» также не расчленились.

В упомянутом учебнике Кацвы-Юрганова справедливо отмечаются последствия, которые вызвало образование боярских вотчин в Древней Руси. Происходит как бы «*оседание дружины на землю*», распад прежней дружинной организации. Превращение дружинников в землевладельцев обусловило их меньшую подвижность, заинтересованность и самих князей в обеспечении самостоятельности своих княжеств, укреплении боярской собственности. Таким образом, эволюция феодального землевладения логично увязывается авторами учебника с развитием и древнерусской государственности и в конечном счете — с переходом от Древнерусского относительно единого государства к феодальной раздробленности (во второй трети XII в.).

Не забудем и о неравномерности формирования процесса княжеских и боярских вотчин на всей обширной территории Киевской Руси. В ее южной и юго-западной частях это явление было заметно уже во второй половине XI в. В Галицко-Волынском княжестве развитое боярское землевладение обусловило и немалую политическую силу местного боярства, породив в XII в. напряженную княжеско-боярскую борьбу за власть. В Северо-Восточной Руси (Волго-Окское междуречье) этот процесс происходит более замедленными темпами и далеко еще не был завершен к моменту татаро-монгольского вторжения в 1237—1238 гг. В Северо-Западной Руси формирование боярской собственности на землю имело свои существенные особенности, о чем будет сказано ниже.

Еще одной формой феодального землевладения в Киевской Руси стало такое у церкви и монастырей. Первоначальным способом материального обеспечения православной церкви (в конце X — середине XI в.) была княжеская *десятина* — раздел доходов между государственной властью и церковью. Это еще не земельные дарения, а отчисление в пользу церкви деся-

той части от судов и даней, торговых пошлин. Со второй половины XI — XII в. образуется уже непосредственно церковно-монастырское землевладение, связанное с земельными пожалованиями князей, дарениями частных лиц в пользу церкви и монастырей. Великий киевский князь Изяслав Ярославич пожаловал Киево-Печерскому монастырю «гору» под Киевом, затем князь Ярополк Изяславич «вдал» монахам три волости, а в 1158 г. его дочь передала 5 сел «с челядью». Согласно церковному уставу князя Ростислава Мстиславича 1136—1150 гг., Смоленская епископия получила земли из состава княжеского домена, различные промыслы и уголья с зависимыми людьми. Села и слободы под Владимиром пожаловал в 1158 г. и князь Андрей Боголюбский соборной церкви Успения Богородицы.

Наиболее подробно студенты имеют возможность проследить земельные княжеские пожалования новгородским монастырям в XII в. по *актовому материалу*. Это наиболее ранние дошедшие до нас княжеские грамоты Новгородским Юрьеву и Пантелеймонову монастырям. Пожалования производились как из княжеского домениального фонда (волость Буец, Терпужский погост Ляховичи), так и из состава Новгородской государственной собственности города-государства (село Витославицы). В этой связи стоит напомнить о принципиальной возможности и частных земельных дарений церкви. В ст. 92 Пространной Правды предусматривалось равное разделение имущества («дома») между сыновьями после умершего отца с обязательным выделением части имущества (не исключено, что и земли тоже) на помин его души в церковь.

Вопросы и задания

1. Вспомните, что вы изучали по Русской Правде (какую литературу), когда возникли разные ее части (редакции), какие этапы феодализации древнерусского общества они отразили?

2. Что такое «княжеский домен»? Какую роль в складывании феодализма сыграли королевские домены в Западной Европе?

3. Проанализируйте структуру земельных пожертвований Смоленской епископии в Уставной и учредительной грамоте князя Ростислава Мстиславича 1136—1150 гг. (Материалы для семинарских занятий. Вып. II. С. 29—32.). Здесь упоминается «уезд княж». Что это такое?

4. Дайте определение понятиям: «собственность», «владение», «окняжение земли», «власть-собственность», «оседание дружины на землю».

И.3. Вотчинная система Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XII—XV вв.

Образование боярских и церковно-монастырских вотчин стало важнейшим признаком перехода от раннего к развитому феодализму на Руси, к утверждению на первом этапе этого развитого феодализма политической раздробленности. Формируются и другие признаки, показатели более зрелого в качественном отношении феодального строя — иммунитет (привилегированный характер крупного землевладения, его атрибут — неотъемлемое свойство, подробнее об этом см. гл. 3), поземельно-служилая иерархия, система сюзеренитета-вассалитета, более разветвленная структура растущего численно господствующего класса.

Однако на все эти процессы, особенно в Северо-Восточной Руси, самое пагубное воздействие оказали факторы иноземного нашествия и последовавшего затем ордынского ига. Именно боярской вотчине, находившейся в XIII в. здесь в стадии сложения, пришлось пережить сильные деформации. В учебнике Л. А. Кацвы—А. Л. Юрганова впервые в учебной литературе отмечается тот значительный *демографический урон*, который понесло прежде всего боярство в связи с отражением иноземного вторжения. Мысль эта в учебнике воспринята из монографии В. Б. Кобринина, и это удачный пример воздействия «большой науки» на самую массовую историческую литературу — учебные издания. Действительно, с массовой гибелью боярства в середине XIII в. был прерван нормальный процесс классового образования, заторможено формирование боярского вотчинного землевладения. Устойчивее всего к потрясениям XIII в., как показывают исследования археологов, оказалась крестьянская волостная община (С. З. Чернов). Развитие боярского землевладения как процесс объективный не могло быть остановлено совсем. Затормозившись в XIII в., процесс этот в дальнейшем (во второй половине XIV—XV в.) возобновляется.

В области изучения светской вотчинной системы XIV—XV вв. в Северо-Восточной Руси до сих пор непреходящее значение сохраняют работы С. В. Рождественского, С. Б. Веселовского, Л. В. Черепнина, В. Б. Кобринина. Этими учеными были рассмотрены различные — религиозно-идеологические, демографические, денежные — факторы развития вотчинной системы. Сыграли свою роль и особенности русского наследственного права (статьи 91—92 Пространной Правды). Они заключались в традиционном равном между всеми наследниками разделе между сыновьями отцовского имущества. Применительно к боярскому землевладению этот порядок приводил к постепенному дроблению вотчин, измельчанию их в семейных разделах. Известный, например, в средневековой Англии институт «*майор*

рата» (наследования старшим или вообще одним сыном в семье отцовского имущества) в средневековой Руси отсутствовал. В XIV—XV вв. сказывалась и общая слабость товарно-денежного развития на Руси, затруднявшая чисто денежный оборот, делавшая неизбежным непосредственно-поземельный оборот и выдел наследства. Конечно, какая-то степень денежного развития существовала, она опосредовала обращение земли, мобилизацию земельной собственности (покупки, обмены, заклады). В сочетании с рядом благочестивых, укоренившихся в общественном сознании традиций отмеченные факторы (денежный, наследственно-правовой, демографического роста феодальных семей) приводили к тому, что С. Б. Веселовский назвал для XV в. «вотчинным обезземеливанием». Здесь важно учитывать и многократно возросшую по сравнению с домонгольским временем экономическую мощь русских монастырей, силу их религиозно-идеологического и денежного воздействия на процесс мобилизации светских форм собственности с неблагоприятными для тех последствиями.

Отмеченное «обезземеливание» заставляло в перспективе и верховную княжескую власть заботиться о землеобеспечении господствующего класса и тем самым укреплять свою социальную опору. Для этой цели могли использоваться различные формы условно-поземельных держаний на княжеских землях (равно, как и на митрополичьих, и на монастырских). Подобная практика, в свою очередь, повышала заинтересованность служилых людей в службе князьям, мотивировала поддержку ими объединительных устремлений московских государей в XIV—XV вв. Укрепление светской земельной собственности с помощью и под эгидой великокняжеской власти на Руси объясняет нам и общую зависимость формирующегося господствующего класса от верховной власти. Стать ей в оппозицию боярство в массе своей не могло. Наоборот, именно с нею оно связывало свои успехи по продвижению по службе, надежды на расширение земельных владений и процветание. Уже в XIV в. известны случаи конфискации московскими правителями вотчин неугодных и опальных бояр, что также свидетельствует о роли государства в развитии феодальной собственности.

Для боярского землевладения в XIV—XV вв. была характерна широкая разбросанность одновременно по нескольким уездам Северо-Восточной Руси. Это объясняется распространенной практикой приобретения московскими боярами сел в чужих землях и княжествах. Такие «прикупы», «примыслы» были важным средством экспансии одного княжества на территорию другого. Многочисленные села московских бояр Свибловых, Голтяевых, Добрынских в районе Вологды, Великого Устюга, Пошехонья упоминаются в духовных грамотах великих князей XV в. Сыграл свою роль и интенсивно происходивший в XIV—XV вв. процесс внутренней и внеш-

ней колонизации Северо-Восточной Руси. Получение кормлений-наместничеств московскими боярами в уездах Московско-Владимирского великого княжества при господстве натурального хозяйства также побуждало их обзаводиться селами на месте (или поблизости) службы. Здесь снова перед нами политический аспект проблемы землевладения: стремление к его расширению толкало боярство на поддержку объединительной политики московской великокняжеской власти.

С этим же кругом явлений было связано всемерное усиление *служебного* статуса княжеского и боярского землевладения в XIV—XV вв., особенно на завершающем этапе образования Русского централизованного государства, при Иване III и Василии III. В духовной грамоте Ивана III 1504 г. встречаем весьма важное указание на этот счет: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехати никому никуда. А хто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не вступается, ни у их жен, ни у их детей». Усиливался контроль великокняжеской власти над земельными сделками вотчинников (в том числе и князей, то есть титулованных землевладельцев) городов Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Белоозера, Суздаля, Стародуба. Это «уложение о княжеских вотчинах» Ивана III было затем подтверждено в законодательстве Василия III и Ивана IV. Кроме того, в духовной 1504 г. подчеркивался служебный статус княжеских вотчин на Русско-Литовском рубеже — в Новосиле, Белеве, Одоеве.

Вопросы и задания

1. В чем заключалось пагубное воздействие, оказанное иноземным нашествием на сферу вотчинного земледелия Руси?

2. В прежней историографии (С. В. Рождественский, Б. Д. Греков, отчасти С. Б. Веселовский) была распространена мысль об экономической несостоятельности боярства в XIV—XV вв. вообще, экономическом кризисе этого вида вотчины. Что Вы могли бы возразить этим ученым? Как это сделано в монографии Ю. Г. Алексеева о землевладении Переяславского уезда в XV—XVI вв.?

3. Внимательно прочитайте классический источник — духовную грамоту Ивана Калиты 1339 г. и найдите в нем хрестоматийно известное упоминание об условной форме землевладения. Что такое «служебная вотчина»? (см.: Сборник документов по истории СССР. Вып. 2. С. 106—109).

Имеет смысл остановиться на особенностях процесса формирования феодальной собственности *Северо-Западной* (Новгородской) Руси в X—XV вв. Как показали исследования В. Л. Янина, боярство здесь сформировалось путем трансформации местной родоплеменной знати догосударственного периода в государственно-корпоративную замкнутую правящую элиту. Не позднее 70-х годов X в. новгородская знать соучаствует в государственной эксплуатации общинного крестьянства совместно с княжеской властью. На рубеже XI—XII веков происходит выделение особого вида государственно-корпоративной собственности на землю (носителем которой было новгородское вече) из княжеско-государственной. Тогда же в Новгороде формируется и княжеская собственность домениального типа. Особенностью княжеского домена здесь были не только его сравнительно небольшие размеры и географическая размещенность в южном пограничье Новгородской земли, смежно со Смоленскими и Владимиро-Суздальскими землями, но и то, что домен здесь не закрепился в качестве наследственной вотчины какого-то определенного княжеского рода. Домен выделялся Новгородским вечем для обеспечения всякого приглашаемого сюда на княжение лица.

В XII — середине XVI в. в Новгороде идет процесс формирования частно-боярского землевладения, когда накопленные на предшествующем (IX—XII вв.) этапе материальные средства (прежде всего деньги) были пущены новгородской элитой на приобретение в частную собственность земель волостных общин. В XIII в. новгородская вотчинная система отнюдь не испытала разрушительных последствий татаро-монгольского нашествия, как это случилось в Северо-Восточной и Южной Руси. В XIV—XV вв. происходила активная межфеодалная мобилизация вотчинных земель в Новгороде, не имевших к тому же служебного характера, поскольку из-за неукоренности княжеско-дружинной организации здесь не могла сложиться и княжеско-вассальная поземельная иерархия условно-служебных держаний. В результате интенсивной межфеодалной мобилизации (дарения, купли, заклады, обмена) почти весь земельный фонд Новгородской республики был освоен боярством в свою собственность. По подсчетам В. Л. Янина, к боярству на конец XV в. перешло до 90 % земельного фонда республики, то есть некогда государственных земель. Сильная сконцентрированность крупного боярского землевладения, сильная поляризация крупного и мелкого владения, всеобщая городская оседлость новгородских землевладельцев от всех рангов, ощутимые связи землевладения и городского рынка — таковы черты вотчинной системы Новгорода. Раздробленность и многосоставность новгородских вотчин, разбросанность их по разным пятинам Новгородской земли также были характерны для отмеченной системы.

Для его западного соседа — «Господина Пскова» — не была присуща столь сильная концентрация крупного боярского землевладения в руках нескольких десятков привилегированных семей. Во Пскове получила распространение по преимуществу средняя и мелкая вотчина. Экономически и политически сильное, независимое боярство, подобное новгородскому, здесь не сложилось. Студенты имеют возможность ознакомиться с процессом феодализации во Пскове по такому классическому источнику, как Псковская Судная Грамота (Правда) XIV—XV вв. Серьезным подспорьем в ее понимании является обстоятельная монография Ю. Г. Алексеева «Псковская Судная Грамота и ее время». По группе статей об «изорниках» на семинарах изучается процесс распада волостных, общинных связей и выделения из соседской общины мелких крестьян-аллодистов (по терминологии научной литературы — «вотчинного типа»). В рамках общины на Псковщине происходила поляризация: на одном полюсе образовывались безземельные эксплуатируемые люди, на другом — их социальный антипод — некий «государь», который мог оказать первым экономическую помощь (землей, зерном, инвентарем, деньгами). Так образовывалась мелкая вотчина-аллод разбогатевшего общинника, ныне (в XIV—XV вв.) «государя».

По актовому материалу центрально-русских уездов Ю. Г. Алексеев также проследил процесс образования мелких вотчин (Переяславль, Кострома). Там мелкая вотчина могла образоваться другим путем — через «посажение» князем своего слуги на волостную землю. Благодаря такому «посажению» происходило «окняжение волости», освоение ее территории князем как верховным собственником.

Мелкая вотчина могла образоваться и в результате распада прежде крупных боярских латифундий в ходе семейных разделов (об этом говорилось выше). В условиях первой половины XV в. (морское поветрие 1420-х годов, феодальная война 1430—1450-х гг., набеги казанских татар 1430—1450-х гг.) мелкая вотчина оказалась весьма неустойчивой. Рядовой феодал легко выбивался из привычной жизненной колеи и превращался в исходный материал для формирования, как пишет Ю. Г. Алексеев, целого ряда социальных типов, зависящих от более крупных и сильных феодалов — князя, боярина, монастыря. В целом же *мелкая вотчина* может рассматриваться и как один из факторов процесса феодализации Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, и одновременно как одна из ее форм. О генерирующем значении мелкой вотчины много и плодотворно писали представители так называемой «ленинградской школы» русского феодализма. В процессе феодализации аллод — мелкая вотчина — мог стать основой для формирования крупного землевладения. На этапе же генезиса капитализма аллод — мел-

кая вотчина — мог стать базой для формирования буржуазной собственности на землю.

Вопросы и задания

1. Вспомните из общего курса истории России об особенностях и причинах происхождения оригинального государственно-политического строя Великого Новгорода. Почему здесь не мог в полной мере осуществиться княжеско-дружинный вариант феодализации?

2. По духовной грамоте Остафия Ананьевича Своеземцева 1397—1409 гг. проанализируйте способы (государственное пожалование, купля, наследование и др.) и источники формирования крупной боярской вотчины в Новгороде (Материалы по истории СССР. Вып. 2. С. 53—56). Найдите в монографии В. Л. Янина «Новгородская феодальная вотчина» раздел, в котором на основе этого и других документов воссоздается родословие данной боярской семьи.

3. Познакомьтесь с самой ранней грамотой, рисующей землевладение крестьянской общины и ее борьбу за свои угодья с монастырем в Пскове в середине XIII в. (Материалы... Вып. 2. С. 33). Какой была, на ваш взгляд роль письменных актов в процессе формирования собственности на землю? Какие виды этих актов Вы знаете?

4. В новейшей монографии Л. В. Милова утверждается, что аллод как исторически значимое явление на Руси не сложился. У нас формирование феодализма шло не через скупку аллода, а через внедрение рентных отношений в общину, ее подчинение в целом («in coprote») господствующему классу. Согласны ли вы с этим мнением после знакомства с Псковской Судной Грамотой?

II.4. Поместно-вотчинная система Московской Руси XVI—XVII вв.

Формирование поместной системы в общерусском масштабе происходит с конца XV в. Первый опыт массового испомещения (до 2 тыс. человек) был предпринят Иваном III в Новгородской земле вскоре после инкорпорации республики в состав единого государства в 1480—1490-е годы. В ходе грандиозной по масштабам земельной перетасовки 1 тыс. бывших новгородских феодалов потеряла свои земли здесь и была испомещена в центральных районах государства. В статье 63 Судебника 1497 г. в числе прочих сторон, спорящих за землю, упоминается и «помесчик, за которым земли великого князя». В то время, как в Новгороде производились массовые испомещения, тысячи служилых людей получили поместья, в Центре России

поместная система в конце XV вв. только еще делала первые шаги. Генетически она восходила к различным формам условных земельных держаний удельного времени (в рамках княжеского, митрополичьего, монастырского землевладения).

О широком распространении условного вотчинного землевладения в XIV—XV вв. писал Л. В. Черепнин. В этой связи вновь уместно вспомнить ряд теоретических положений, приведенных в 1-й гл. пособия, а именно о неполноте прав собственности на землю при феодализме. Л. В. Черепнин в результате изучения большого по объему актового материала Северо-Восточной Руси пришел к мысли о том, что неправомерно говорить о средневековой русской вотчине как полной собственности на землю. Ряд ограничений на вотчинное право землевладельцев накладывал *расчлененный характер* феодальной земельной собственности, в силу которого над вотчинником стояла верховная собственность князя. Многие земельные сделки (а для XV в. были характерны бурные темпы межфеодальной мобилизации земли) совершались «с доклада великому князю».

Л. В. Черепнин предложил оригинальный взгляд на вотчину и поместье как на два варианта одного явления — расчлененной формы земельной собственности. Для феодальной раздробленности была типична иерархия, основанная на наличии привилегированных вотчин-сеньорий в отдельных княжествах. Поместная же система отражает новый вид иерархической структуры земельной собственности, соответствующей централизованному государству.

В 30—40-е годы XVI в. уже и в центре страны известны массовые поместья (в Московском, Тверском уездах). В период же реформ Ивана IV в 1550-е годы поместная система значительно расширяется, укрепляется и получает правовое оформление. Для чего же она была предназначена и какие задачи была призвана решать? В своей монографии «Власть и собственность в средневековой Руси XV—XVI вв.» В. Б. Кобрин убедительно показал, что на раннем этапе поместная система должна была улучшить землеобеспеченность массы растущих феодальных семей (конец XV — первая половина XVI в.). Поместной системой наилучшим образом учитывался демографический рост господствующего класса. Кроме того, поместная система, как считают В. И. Корецкий и А. М. Сахаров, позволяла: 1) закреплять вновь присоединенные земли и княжества; 2) обеспечивать охрану увеличивавшихся границ Русского государства; 3) осваивать новые территории; 4) создавать необходимые военно-административные кадры служилых людей. А. М. Сахаров подчеркивает значение поместной системы как существенного фактора государственной централизации страны в XVI в. Л. В. Милов видит действенность поместной системы как наиболее

сильного средства консолидации феодалов страны путем усиления их зависимости от самодержца. Создание поместной системы и ее дальнейшее расширение стали эффективным рычагом воздействия государства на господствующий класс. Расширялась и социальная база феодализма, резервы развития которого в России в XVI в. были еще далеко не исчерпаны.

Действительно, внедрение поместной системы означало упрощение феодальной иерархии при значительном количественном увеличении служилых людей в государстве. Уже в конце XV в., как пишут В. М. Воробьев и А. Я. Дегтярев, в Новгородской земле тысячи дворян служили одному только великому князю, не являясь вассалами великих князей или каких-то еще крупнейших землевладельцев. Не случайно поэтому к мятежу кн. А. И. Старицкого в 1537 г. примкнуло лишь несколько новгородских детей боярских, основная же их масса осталась верной великокняжескому правительству.

Подробное конкретно-историческое изучение поместной системы А. А. Зиминим, В. Б. Кобриным позволило им показать несостоятельность традиционного противопоставления вотчины и поместья и на этой основе боярства дворянству как соответственно противников и сторонников государственной централизации в России XVI в. В самом деле, помещики и вотчинники в то время (как и в XVII в.) нередко сочетались в одном лице, а вотчина еще в XIV—XV вв. приобретает отчетливо выраженные «служебные черты». Кроме того, для ранней поместной системы, как выяснил в своей монографии В. Б. Кобрин, были характерны: длительность держания, нередко даже его наследственность, относительная свобода распоряжения (исключая только передачу в монастыри).

Ряд критических соображений по поводу построений В. Б. Кобрин вы-сказал О. А. Шватченко. Он считает, что поместья были характерны для массы провинциальных фамилий, в то время как вотчинная система была основой могущества и высокого социально-политического статуса родословнейших фамилий в России. Насаждение поместной системы при Иване IV формировало для некоторых провинциальных дворян более высокий социальный статус, но переоценивать его нет никаких оснований. Поэтому, считает О. А. Шватченко, между крупновотчинной знатью и поместной уездной служилостью антагонизм все же существовал, что прекрасно понимал и умело использовал в своих политических целях Иван Грозный.

К середине XVI в. относится четкая градация поместных окладов по размерам, правовое оформление всех форм служилого землевладения. При испомещении 1000 «лучших слуг» под Москвой (в радиусе 70 км от столи-

цы) им, в зависимости от I-II-III-ей статьи, были пожалованы поместья размером в 100—150—200 четвертей*.

По уложению о службе 1556 г. феодал был обязан выставить с каждых 150 десятин своей земли (независимо от того, на каком праве — поместном или вотчинном — он владел землей) полностью экипированного воина на коне («а в дальнем походе о двух конь»). Так служебный статус был в равной мере распространен как на поместья, так и на вотчины. В те же 1550-е годы правительство ликвидирует неслужильный статус мелкого землевладения «земцев». Сохраняя за ними их земли, оно переводит земецкие владения на поместное право (В. И. Корецкий). Кроме поместий, служилые люди получали от государства раз в 3—4 года денежное жалование.

Вопросы и задания

1. Каким образом, на ваш взгляд, условное владение вотчинами в XIV—XV вв. послужило предпосылкой для формирования в дальнейшем поместной системы в России? В чем принципиальная разница между этими явлениями?

2. Прочитайте небольшое по объему «Уложение о службе» 1556 г. («Материалы по истории СССР. Вып. 2. С. 198—199). Обеспечение чем — землей или деньгами — имело для служилых людей первостепенное значение? Почему вы так думаете?

3. Какое место в структуре реформ 1550-х годов занимали меры по укреплению поместной системы? Какая связь была между отменой кормлений и Уложением о службе?

* * *

Более подробно о самом механизме поместных верстаний и применявшихся при этом правилах студенты могут прочитать в доступном изложении лекционного «Курса русской истории» В. О. Ключевского (лекции XXXII—XXXIII). Общая численность господствующего класса в России середины XVI в. составляла 25—45 тыс. человек, а с членами семей — до 120—150 тыс. Это было не более 2—2,5 % населения страны. Структурно господствующий класс делился на московских дворян, имевших оклады по 1200—3000 десятин в 3 полях; и городских (уездных) детей боярских, оклады которых были 75—150 десятин.

* Четверть = 0,5 десятины, десятина = 1,09 га. На 1 десятину обычно высевалось примерно 8—9 пудов ржи.

Следующим после реформ 50-х гг. XVI в. этапом укрепления и расширения поместной системы стала опричнина. Как показал в своих работах А. П. Павлов, в ходе ее был последовательно реализован указ о высылке из опричных уездов не включенных в опричнину землевладельцев и ипомещении на конфискованных у них землях опричников. Массовые земельные перемещения дворянства в опричнину сопровождались изменением мест их службы. А. П. Павлов осуществил ретроспективное изучение писцовых книг 1590—1630-х годов по ряду уездов (Вязьма, Можайск, Малый Ярославец, Медынь, Перемышль, Кострома, Ярославль, Галич и др.) и выявил сотни фамилий служилых людей-опричников (Борисовых-Бороздиных, кн. Бяратинских, Воейковых, Головленковых, Ловчиковых, Пушечниковых, Ртищевых, Толстых).

Вместе с тем и вотчина как социально-экономическое явление в годы опричнины не могла быть уничтожена. В монографии Ю. Г. Алексева, посвященной землевладению Переяславского уезда, представлен материал о том, что и в этом уезде, серьезно пострадавшем в опричнину, сохраняются в конце XVI в. вотчины Гагиных, Глинских, Замытских. Служебный статус вотчинного землевладения усиливается.

Во второй половине XVI—XVII в. шел процесс «сближения» вотчины и поместья. По указам 1572/73 и 1587 гг. порозжие поместные земли в Московском уезде могли продаваться в вотчины. Так начался процесс становления *выслуженной* [жалованной? — М. Ч.] *вотчины* в России. В условиях хозяйственного кризиса 1560—1580-х гг. правительство тем самым стремилось к возрождению, реактивации заброшенных земель. После бурных событий «смуты» начала XVII в. многие помещики становятся вотчинниками в результате массового перевода части их поместной земли в вотчинную. Это было способом поощрения, вознаграждения служилых людей за участие в обороне Москвы («московское осадное сидение при царе Василье Шуйском» в 1610 г.), в очищении Москвы от поляков в 1612 г. и ее обороне «в королевичев приход» 1618—1619 гг. В дальнейшем число так называемых «*выслуженных вотчин*» растет, увеличивается объем прав на них. Постепенно право распоряжения выслуженной вотчиной приближается к праву распоряжения вотчиной родовой, наследственной. Одновременно расширяются права помещиков и по распоряжению поместьями. Важным признаком их наследственного статуса становятся так называемые «прожитки». По указу 1619/20 г. часть поместий вдовы и дочери могли получать «на прожиток», хотя женщины, естественно, военную службу не исполняли. В случае выхода замуж их «прожиточные поместья» передавались мужьям. В 1629 г. был издан указ, регулирующий порядок продажи поместий в вотчину: делаться это могло по государеву указу и по цене 1 руб. за четверть земли.

Л. В. Милов и О. А. Шватченко подчеркивают, что с 1610-х гг. интенсивно развивается вотчинно-служилая форма феодального землевладения. Л. В. Милов даже употребляет образное выражение — «эволюция вспять поместья к статусу служилой вотчины». Это был наиболее оптимальный тип хозяйствования, дающий наибольший простор для развития производительных сил страны.

Расширение поместных прав наблюдается и в законодательстве времен Смоленской войны 1632—1634 гг. В указе 1634 г. появляется даже понятие «родовое поместье». Правительство последовательно проводило принцип, «чтоб земля из службы не выходила», усиливало связь военно-служебных обязанностей феодала с владением землей.

С конкретными нормами поместного и вотчинного права студенты знакомятся по главам Соборного Уложения 1649 г. Глава XVI — о поместьях, гл. XVII — о вотчинах. Уложение четко закрепило восходящую еще к XVI в. норму наследования поместья сыновьями после отца, а в случае их отсутствия — ближайшими беспоместными или малопоместными родственниками. О. А. Шватченко подчеркивает, что важно было сохранить преемственность служебных функций, выполняемых данным дворянским родом. Был сделан еще один важный шаг в процессе сближения поместья и вотчины — разрешалось менять одно на другое. Вокруг этого обмена, как пишут В. М. Воробьев и А. Я. Дегтярев, землевладельцы нашли возможности для сокращения поместного фонда и соответствующего роста фонда вотчинного.

Вопросы и задания

1. Вспомните общую характеристику Соборного Уложения 1649 г. В какой обстановке в стране шла выработка этого законодательного кодекса, почему особую активность тогда проявляло дворянство, как правительство на это реагировало?

2. Вводя «прожиточные поместья», правительство заботилось о землеобеспечении вдов, дочерей, детей-сирот. Какими конкретно-историческими, военными событиями в России первой половины XVII в. это было вызвано? Найдите статьи о прожитках в гл. XVI Соборного Уложения. Проанализируйте прожитки как форму наследования поместий и вместе с тем как одну из разновидностей поместья.

3. Какие виды вотчин определяет Соборное Уложение? Какие существенные отличия вотчины и поместья еще сохранились? Найдите соответствующие статьи кодекса.

В законодательстве второй половины XVII в. еще отчетливее проступает линия на сближение поместно-вотчинных форм собственности и на этой основе — всемерного укрепления позиций класса феодальных землевладельцев. В 1667 и 1672 гг. были изданы указы о массовых переводах поместий в вотчину думным московским и уездным чинам за участие в кампании 1654 г., за литовскую службу, Виленский и Смоленский походы. Одновременно правительство ограничивало проникновение поместной системы на юг (зона «заказных городов» — Севского и Белгородского полка). Указами 1670-х годов, разрешив обмен, сдачу, покупку поместий, правительство царя Федора Алексеевича, как считает О. А. Шватченко, максимально приблизило поместья к вотчине. Я. Е. Водарский показал в своих исследованиях, что в 1678—1700 гг. основная масса поместно-вотчинного фонда служилых людей была сосредоточена в двух главных регионах России — Нечерноземном и Черноземном Центрах.

В Нечерноземном Центре наиболее «вотчинными» были такие уезды, как Московский и Костромской. Новгород (Великий), Рязань, Тула, Козельск относились к мелкопоместным уездам. По данным В. М. Воробьева и А. Я. Дегтярева, средняя населенность новгородских поместий была невысока — 3,8 двора. О. А. Шватченко определяет среднюю населенность поместий в Центре — 7—10 дворов. На протяжении XVI—XVII вв. складываются фамильные корпорации крупнейших землевладельцев России — Долгоруковых, Воейковых, Плещеевых, Хитрово и др.

В новейшей исторической литературе были выявлены более оптимальные хозяйственные характеристики вотчины по сравнению с поместьем. В коллективной монографии московских авторов М. Б. Булгакова, Л. В. Милова, И. М. Гарсковой с применением математических методов в обработке большого массива писцовой документации 1620—1630-х гг. было показано, что вотчины быстрее и успешнее преодолевали разорительные последствия «смутного времени». В них активнее был господский сектор хозяйства, и они лучше были обеспечены рабочими руками. Л. В. Милов считает вотчину вообще наиболее благоприятной формой хозяйствования и с точки зрения интересов самого крестьянства, возможностей развития крестьянского хозяйства. О. А. Шватченко также пишет о быстрой стабилизации вотчинной системы в России в 1620—1640-е гг. Она выразилась в интенсивном заселении вотчинных дач, пустошей, появлении новых деревень, укрупнении сел. По дворовой переписи средняя населенность вотчины значительно превосходила таковую же для поместий — 20 дворов и 53 души м. п. С такого жребия феодал обязан был отправляться в дальнюю службу без денежных дотаций со стороны государства.

Предпочтительность вотчинной формы собственности (и в плане ее более прочного правового обеспечения, и как наиболее оптимальной хозяйственной организации) обусловила заметный крен именно в ее сторону на пути сближения вотчины и поместья. Петровский указ о единонаследии от 23 марта 1714 г. подвел своего рода «законодательную черту» в этом процессе. Земельные имущества феодалов стали их полной наследственной собственностью. Указом же Анны Иоанновны 1731 г. были прекращены «поместные дачи». Получает распространение понятие «*недвижимые имения*», которые делились на родовые и благоприобретенные. К родовым причислялись наследственные и выслуженные вотчины и владения, полученные по сделкам в пределах данного рода. Под благоприобретенными понимались имения, ставшие достоянием не по правилам наследования, а другим путем. В повседневной жизни собственник родового имения перед обладателем благоприобретенного преимущества не имел, а с точки зрения продажи и других актов отчуждения он даже находился в более стесненных условиях. Контроль абсолютистского государства над состоянием фонда родового землевладения дворянства продолжался на всем протяжении XVIII в.

По подсчетам Я. Е. Водарского, дворянское землевладение в России увеличивается от 24 млн. дес. в XVII в. до 81 млн. дес. в XVIII в., то есть в 3 раза. Рост этот сопровождался существенными переменами в составе правящего феодального класса: исчезли, слились многочисленные внутрисословные прослойки (еще в XVII в. были известны «поместные казаки», «новокрещены» и др.), класс феодалов консолидировался в единое дворянское сословие.

Вопросы и задания

1. Познакомьтесь в извлечениях с Петровским указом 1714 г. о единонаследии (А. С. Нагаев. Практикум по истории СССР. М., 1985. Вып. 2. С. 69—70). Какие разновидности вотчин и поместий в нем называются? Что вам известно о возникновении этих разновидностей в предшествующее время?

2. В чем законодатель видит «вред интересам государственным», происходящий из практики равного наследования земли в дворянских семьях?

3. Как и почему государство в указе о единонаследии заботится о сохранении фонда родовых земель? Подумайте над классово-сословным аспектом этой заботы.

II. 5. Церковно-монастырское землевладение на Руси в XIV—XVII вв.

В XIV—XVII вв. происходит в целом его неуклонный рост. Вначале лидирует в этом процессе Московская митрополичья кафедра. По предположению С. Б. Веселовского, еще при митрополите Петре (до 1326 г.) от Ивана Калиты кафедра получила подмосковные земли для двора и заведения необходимого хозяйства. Основы же земельного богатства Московской митрополии были заложены при преемниках Петра — митрополитах Феогносте (1328—1362 гг.) и Алексее (1354—1387 гг.). Земельные пожалования московских князей кафедре мотивировались необходимостью для них политической поддержки со стороны церкви. Обоснование кафедры в Москве (к 1354 г.) всемерно соответствовало задачам общерусской политики московских князей. Наличие обширных денежных средств самой кафедры облегчало для нее покупки земель у других феодалов, нередко у своих же собственных слуг и детей боярских. В XV в. землевладение Московской митрополии растет при первом русском автокефальном митрополите Ионе (1448—1461 гг.).

Конкретный состав митрополичьих вотчин в 13 уездах Руси также был изучен С. Б. Веселовским. Во Владимирском уезде митрополия унаследовала владения владимирских епископов XII—XIII вв. В структуру митрополичьих земель, наряду с доменом, входили вотчины домовых (приписных) монастырей (Чудов и Новинский в Москве, Константино-Еленинский, Благовещенский, Сновидский и Николо-Волосовский во Владимирском у., Воскресенский Череповецкий, Благовещенский Нижегородский, Спасо-Преображенский на Вондожском озере в Вологодском у. и др.). Имелись также и служние (условные) земли административно-хозяйственного и военного аппарата кафедры (бояр и детей боярских митрополита, которые, как правило, были светскими лицами). Аналогичной была структура землевладения (домен, дочерние филиалы, служние земли) и у других владычных кафедр — Новгородского Дома Св. Софии, Ростовского и прочих архиерейских домов. В XVI в. на землях Московской митрополии складывается своя поместная система. Масштаб ее, конечно, был много скромнее государственной поместной системы, но сами правовые нормы определенно были заимствованы митрополитами из практики московских государей.

* * *

В XV в. в Северо-Восточной Руси лидерство в процессе роста духовного землевладения от митрополичьей кафедры переходит к многочисленным монастырям. Важную роль в этом, как считают все исследователи, сыграла монастырская реформа второй половины XIV в., осуществленная митропо-

литом Алексием и Сергием Радонежским. Реформа заключалась в переходе от особножитных («идиоритмов») и ктиторских (покровительствуемых состоятельными основателями) монастырей к *общежительным обителям* («кинóвиям»). Родоначальником этого движения монастырской жизни на Руси стал монастырь во имя Живоначальной Троицы, основанный Сергием Радонежским, согласно датировке В. А. Кучкина, ок. 1342 г. в Радонежском уделе Московского княжества. Прямыми учениками Сергия, а затем учениками этих учеников в конце XIV—XV в. на Руси было основано не менее 100 общежительных монастырей. Располагались они как к югу, так и более всего к северу и северо-востоку от Москвы, преимущественно в пределах нынешних Костромской и Вологодской областей. Монастыри эти способствовали внутренней колонизации страны, хозяйственному освоению огромных массивов новых земель, проникновению политического влияния Московского княжества на новые территории, развитию средневековой русской культуры.

Формирование монастырского землевладения было способом утверждения феодальной собственности *в корпоративной форме*. С. М. Каштанов считает, что только корпоративная собственность учреждений, окруженных ореолом святости, при достаточном распространении христианской веры, могла рассчитывать на успешное укоренение. Правда, утверждение это нередко было связано с прямой борьбой возникших монастырей с окрестным населением — крестьянами и другими феодалами (И. У. Будовниц, Н. Н. Покровский, А. Д. Горский, Л. И. Ивина, В. И. Корецкий).

Говоря о церковно-монастырском землевладении, особенно уместно учитывать значение духовных, религиозных факторов его роста. Речь должна идти о присущем средневековому мировосприятию (менталитету) понимании ценностей, тягостных религиозных переживаниях предстоящего и неотвратимого конца Света и Страшного суда. В новом учебнике по истории средних веков А. Я. Гуревич и Д. Э. Харитонович пишут, что религиозная мотивация многочисленных земельных, денежных, вещевых дарений церквям и монастырям отражала характерные для средневекового умонастроения духовные искания и устремления людей. Они искали небесного покровительства. Современный французский медиевист Жак Ле Гофф отмечает: «Не сознавая ясно, сколь одержимы были люди средневековья жадой спасения и страхом перед адом, совершенно невозможно понять их ментальность, а без этого неразрешимой загадкой остается поразительная нехватка у них жадности жизни и стремления к богатству».

Людей русского средневековья беспокоили перспективы существования их души в ином, потустороннем мире. Они также надеялись на загробную встречу со своими умершими близкими. Дарения земли, денег, утвари в

русские монастыри нередко мотивировались выполнением воли усопших. Чувства родственные и религиозные были тесно связаны, на что обратил внимание один из первых исследователей средневековой религиозности вообще, русский медиевист Л. П. Карсавин. Он писал о том, что надежда на загробную встречу с умершими родственниками помогала средневековым людям понимать и преодолевать время, прорываясь в иную, трансцендентную реальность.

В отличие от митрополичьей кафедры (организации более политической), монастыри ближе стояли к самому человеку, всецело отвечая духовным запросам средневекового общества. Поэтому именно с ними была связана важнейшая духовная потребность людей — забота о посмертном «устроении своей души». Укоренившиеся на Руси к XIV—XV вв. благочестивые традиции в конечном счете «боком вышли» для самого фонда вотчинного землевладения, приведя его к критическому состоянию (к концу XV в., в 70—80-е гг. XVI в.). Всякий раз баланс феодального землевладения активно регулировался на Руси своевременным и эффективным вмешательством государственной власти.

С середины XV в. и в дальнейшем, вплоть до секуляризации в 1760-е гг., крупнейшим корпоративным собственником в России был Троице-Сергиев монастырь. К концу XVI в. его земельные, промысловые и городские владения располагались в 40 уездах страны. Рост их продолжался и в первой половине XVII в. Троице в разные периоды подчинялось до трех десятков приписных обитателей (как мужских, так и женских). Находились они в городах (Троице-Свияжский, Троице-Казанский монастыри) и в сельской местности. Имелись небольшие дочерние филиалы у Троицы в отдельных крупных селах. По структуре своей собственности (весьма внушительный по размерам домен — до 11—12 % всей пашни в конце XVI в., земли приписных монастырей — до 20 % всей пашни в середине XVII в., служебно-условные земли) Троицкая корпорация вполне сравнима с крупнейшими кафедрами страны (Московской, Новгородской, Ростовской).

Кроме Троице-Сергиева, можно назвать такие богатейшие землей и крестьянами монастыри, как Кирилло-Белозерский, Спасо-Ярославский, Костромской Ипатьев, Московский Симонов, Суздальский Спасо-Ефимьев и др. Основным питательным источником роста их латифундий в XV—XVII вв. были светские вотчины различного ранга (крупные, средние, мелкие). Имела значение и собственная хозяйственная инициатива корпораций, порой беззастенчивый захват ими земли у своих соседей. Сыграли свою роль велико- и удельно-княжеские и царские пожалования монастырям из фонда государственных (черносошных) и дворцовых (домениальных) земель, а также из числа конфискованных вотчин у светских лиц. Значение таких пожалова-

ний было особенно велико (по крайней мере, для Троицкого монастыря) в XV — первой половине XVI в., а в дальнейшем оно заметно снижается. Следует подчеркнуть большую роль монастырей в земельной колонизации Северо-Восточной Руси в конце XIV— XVI в., а в XVII в. — в освоении и заселении Среднего Поволжья.

История монастырского землевладения в XV—XVII вв. показывает нам интенсивный процесс перераспределения земельной собственности между различными кругами господствующего класса — как светских, так и духовных феодалов. Одним из путей роста монастырского землевладения в XVII в. стала приписка более мелких и слабых обитателей к крупным организациям. В научной литературе она рассматривается как способ перераспределения земель и крепостных душ внутри обширной и весьма неоднородной церковной организации. Так, к Троице-Сергиевой корпорации в начале XVII в. были приписаны: Николо-Чухченемский монастырь в Холмогорах, Троице-Махрицкий в Переяславском у., Троице-Авнежский в Вологодском у., Макарьева пустынь под Бежецком, Чердынский Богословский, Успенский Стромьинский в Московском у., в 1660-е гг. — Богословский Холохоленский в Старицком у., в 1699—1700 г. — Троице-Белопесоцкий (близ Каширы), Троице-Астраханский и Николо-Песношский в Дмитровском у., а также многие другие более мелкие обители.

По итогам дворовой переписи 1678 г. 395 русских монастырей и соборов владели 98-ю тыс. дворов. Наиболее крупными из них являлись: Троице-Сергиев монастырь (свыше 21 тыс. дворов), Кирилло-Белозерский (5250 дв.), Спасо-Ярославский (4049 дв.). Вся церковная верхушка (патриарх и архиерейские кафедры) имела такое же количество дворов (свыше 18 тыс.), что один Троице-Сергиев монастырь. Регионами наибольшей концентрации церковно-монастырского землевладения в масштабе страны были Центр (Замосковский край) и Северо-Запад (Новгородчина). На Северо-Западе в вотчинах духовенства, по данным В. М. Воробьева и А. Я. Дегтярева, размещалось более 30 % зависимого населения. Монастырское землевладение здесь росло и в первой, и во второй половине XVII в. В Поморье рост этот был заметно заторможен, поскольку правительство здесь в XVII в. неоднократно издавало запреты отдавать тяглые земли монастырям и вообще всяким беломестцам. Подробно исследовавший итоговые, сводные, документы переписи 1678 г., Я. Е. Водарский в своих работах показал сильную поляризацию духовных вотчин в России к концу XVII в. 29 % монастырей имели 92 % тяглых дворов, тогда как 71 % монастырей имел лишь 8 % дворов зависимого населения. Таким образом, на протяжении XVII в. происходила сильная концентрация земли и дворов в руках небольшой группы крупных и крупнейших духовных феодалов России.

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете «корпоративность» монастырского землевладения? Почему эта черта оказалась наиболее приложимой к общежительным монастырям?

2. Для монастырей не существовало традиций наследственного раздела их вотчин (в силу самого профиля данных учреждений). Как это способствовало развитию монастырского землевладения?

3. Выше вам уже предлагалось проанализировать духовную грамоту новгородского боярина Остафия Ананьевича Своеземцева 1397—1409 гг. Обратитесь к ней еще раз и найдите в тексте упоминания о дарениях в пользу церкви. Чем они мотивированы?

4. Познакомьтесь с еще одной духовной грамотой — кн. И. Ф. Судского 1545/46 г. (Сборник документов по истории СССР. М., 1972. Вып. III. С. 25—28). Составьте структуру земельных дарений князя монастырям. Чем эти дарения мотивированы?

5. В теоретической статье Л. В. Милова «О российском типе феодализма» говорится, что масштаб церковно-монастырского землевладения в России был гипертрофированно велик. С отмеченной гипертрофированностью был связан воплощаемый в церкви синкретизм социокультурных, религиозно-идеологических функций. Такая роль уготована церкви именно в обществе с низким уровнем совокупного общественного продукта. Как вы относитесь к этому наблюдению? Можно ли его использовать при доказательстве глубокой традиционности российского общества не только в XVII в., но и в последующие столетия нашей истории?

* * *

Важной стороной внутренней политики Русского государства в XVI—XVII вв. стало ограничение роста монастырского землевладения. Рост этот затрагивал интересы всех слоев русского средневекового общества, поэтому государство никак не могло оставаться к нему безучастным. В сфере межфеодальных отношений по вопросам землевладения регулирующая роль государства в XVI—XVII вв. выразилась самым определенным образом.

При Иване III было принято, а при Василии III и Иване IV повторено уложение, запрещающее служилым феодалам передавать свои вотчины в монастыри «без государева ведома и доклада». С середины XVI в. закрепляется практика обязательной регистрации всех земельных сделок (в том числе и с монастырями) в книгах Поместного приказа. Поскольку в числе поступавших в духовные обители вотчин были родовые, государство активно

контролирует сам институт (а он принадлежал к обычному праву землевладельцев) *родового выкупа*. По упомянутому обычному праву такой выкуп допускался в течение 40 лет после совершения сделки. Возвращать отчужденные вотчины в род могли только те родичи, которые были *поименно названы* в соответствующих документах (данных, вкладных, духовных грамотах). Одновременно государство иногда шло на нарушение *канонического права* неотчуждаемости церковных земель и конфисковывало их у монастырей. Чаще всего это, правда, сопровождалось денежными компенсациями обителям со стороны правительства. Но даже и такие изъятия вызывали серьезное недовольство у церковников, были причиной напряженности церковно-государственных отношений.

В 1572 г. был принят приговор, выделявший «богатые монастыри, у которых земли много», и «бедные монастыри» (малоземельные). Первым запрещались новые земельные приобретения, вторым они разрешались. Запреты были повторены и в уложениях 1580 и 1584 гг., однако рост монастырского землевладения, вопреки им, все равно продолжался. После «смуты», в 1622 г., правительство принимает указ о закреплении за монастырями купленных и вкладных после 1580 г. вотчин, если на них не поступило челобитья о выкупе до 1612 г. Такие земли признавались застаревшими за монастырями «многими летъ». Нередкая непоследовательность самого государства в курсе ограничения роста монастырского землевладения, сильная нужда светских феодалов в деньгах, которые они могли получить у монастырей, — вот причины, объясняющие трудности проведения данной политики в XVI—XVII вв. Затруднялась реализация важного принципа правительственной политики в отношении монастырей — замены в них земельных вкладов денежными. Недостаток товарно-денежного обращения не позволял реализовать этот принцип в полной мере.

Государство предпринимало попытки ограничить и рост городского дворовладения крупнейших духовных корпораций. В 1624 и 1634 гг. принимались указы, запрещавшие посадским людям отдавать свои дворы и лавки монастырям. Сложнее было проконтролировать расширение городских владений монастырей за счет вкладов светских феодалов, когда городские дворы поступали одновременно и в составе с сельскими вотчинными комплексами («двор к селу» — эта «дихотомия» была присуща и крупным, и средним светским вотчинам). В городах монастыри также возводили целые слободки (группы из 15—20 и более дворов) на своих дворовых местах, формировали здесь торгово-ремесленное население, переманивали к себе тяглых посадских людей в «закладчики». Не случайно в Соборном Уложении 1649 г. важное место заняла проблема «белых слобод» и вновь повторился запрет монастырям приобретать земли.

Вопросы и задания

1. Вновь вам предлагается обратиться к Соборному Уложению 1649 г. В его XVII главе («О вотчинах») найдите распоряжения относительно церковно-монастырского землевладения (А. С. Нагаев. Практикум. Вып. 2. С. 37—38). Как в кодексе проведен принцип замены земельных вкладов денежными? Какие случаи вмешательства государства в отношении землевладельцев и церкви предусматриваются? О чем говорит такое вмешательство?

2. В главе XIX («О посадских людях») Уложения 1648 г. найдите весьма решительные распоряжения относительно городских владений церкви и монастырей. Как вы понимаете их смысл? Что такое «белые слободы» и в чем заключалась, таким образом, посадская реформа 1649—1652 гг.?

ГЛАВА III

ФЕОДАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ

III. 1. Теоретические аспекты проблемы

Латинский по происхождению термин «*immunitas*» означает институт феодального права, оформленный в специальных документах (хрисовулах, хартиях, привилеях, жалованных грамотах) и заключающийся в передаче верховной властью отдельному лицу, группе лиц, церковной корпорации и пр. административных, судебных, финансовых и иных прерогатив, полномочий над населением определенной территории. Содержание иммунитета, или *иммунитетных отношений*, может быть раскрыто в двух планах. Первый — это взаимоотношения иммунитетов-грамотчиков (еще шире — господствующего класса в целом) с верховной и местными властями, способы и формы регулирования этих отношений. Второй — это отношения иммунитетов-грамотчиков с зависимым населением (вотчинно-крестьянские, сеньориально-общинные отношения), которые складывались в результате взаимодействия норм обычного вотчинного и крестьянского права с этих последних — с иммунитетными нормами, сформулированными в жалованных и указных грамотах.

Первый из названных планов иммунитета признан ведущим, основным в исследованиях таких отечественных медиевистов, как Д. С. Граменицкий, Б. Т. Горянов, К. В. Хвостова. Существовал еще и третий план иммунитет-

ных отношений, когда государство напрямую взаимодействовало с населением иммунитетных вотчин. Источниковедчески такое явление на Руси отразилось в издании жалованных послушных и жалованных уставных грамот. Ими верховная власть призывала сельское население к послушанию своему господину и могла определять номенклатуру и размеры феодальных поборов в пользу сеньора.

Определения *иммунитетного права* нам не удалось найти ни в какой специальной литературе. На наш взгляд, под ним следует понимать некую совокупность унифицированных, единообразных норм, юридически оформленных и тем самым закрепленных, определявших отношения государства с общественными группами, сословиями либо их отдельными представителями. Ранее всего иммунитетное право начало применяться в Поздней Римской Империи к поставленным в особое административно-налоговое отношение церковным землям («*immunitas ecclesiastica*»). Это явление получает затем распространение в Византии (экзимицированные имения) и Западной Европе. Наибольшей своей завершенности иммунитет, по общему мнению медиевистов, достигает именно на церковных землях. Здесь важно учитывать и несравненно лучшую сохранность церковных архивов, в отличие от светских, но и светские иммунитеты в Византии и Западной Европе тоже, конечно, существовали. В Византии иммунитет («*экскуссия*») начинался с пожалования феодалу права на взимание поземельной подати. Позднее земледельцы развивали свои административно-судебные прерогативы в отношении своего зависимого населения.

А. Я. Гуревич писал о роли иммунитетных пожалований в процессе феодализации еще в англосаксонский период (VII—XI вв.). Пожалование земли по грамоте предполагало передачу грамотчику права на получение налогов и судебных штрафов. Складывалась «сока» — иммунитетная территория, которая постепенно перерождалась из юрисдикции в соку-вотчину. И. Ф. Колесницкий отмечал совпадение хода развития иммунитетного и вотчинного права («сеньората», «практики аббатского суда»). Вотчинное законодательство известно и в России: для XVI—XVII вв. — это многочисленные монастырские уставные грамоты, для XVIII—XIX вв. — это близкие к ним тематически вотчинные конструкции. Эти документы и формируемые ими нормы придавали вотчине известный политический суверенитет, служили показателем ее государственной автономии. И. Ф. Колесницкий справедливо отмечает, что средства «иммунитетно-вотчинной» власти зависели от роста вотчинных доходов.

Расцвет иммунитета приходится в Западной Европе на период феодальной раздробленности (XII—XV вв.), причем по мере образования единых национальных государств в XIV—XV вв. иммунитет подвергался ограниче-

нию и сокращению. XIII — середина XV в. стали временем наибольшего распространения иммунитета и в Византии. Его особенности здесь были связаны с существованием сильной централизованной государственной власти. Явление иммунитета неотъемлемо связано с господством вотчинно-сеньориального режима в Западной и Восточной Европе. Е. В. Гутнова и З. В. Удальцова к числу наиболее существенных *типологических признаков* развитого феодализма относят связь крупной земельной собственности с теми или иными формами политической власти, основанной на частно-правовых отношениях (вотчинные суды, полицейские силы).

Студенты, вероятно, помнят, что именно в эпоху феодальной раздробленности происходит отчуждение верховной власти сверху же путем раздачи публично-правовых прерогатив вотчинникам. Одновременно снизу растет сама вотчинная власть. Начальным, пусковым моментом в складывании иммунитета было «*introitus iudicum*», то есть запрещение представителям местной администрации въезжать на территорию данной вотчины, установление ее административно-судебной и налоговой *заповедности*.

Вопроса об эволюции иммунитета в первом плане мы коснулись выше. По мере складывания сословных монархий иммунитетные привилегии отдельных феодалов заменялись «общеземскими привилегиями» (типа Великой Хартии вольностей или Золотой буллы), определявшими общесословные права и отношения монархий с их подданными. Е. В. Гутнова и Н. А. Хачатурян пишут, что в Англии и Франции уже в XIV—XV вв. по мере формирования сословных монархий сеньориальная система власти перестраивается в публично-правовую. В финансовой сфере это было связано со складыванием системы прямых и косвенных налогов. Центр тяжести государственного управления и финансов (доходов) лежал теперь (в XIV—XV вв. для Англии и Франции) в публично-правовой сфере. Прямой государственный налог во Франции — талья — стал государственным вариантом прежнего сеньориального сбора.

Подъем товарно-денежных отношений и расцвет городов в странах Западной Европы способствовали утрате своего значения и вторым планом иммунитета. Сеньориально-крестьянские отношения тоже претерпевают трансформацию: масса сельских тружеников в XIII—XIV вв. освобождается от крепостной зависимости и становится лично свободной. В аграрной сфере этому соответствуют сокращение господской запашки (домена), свертывание домениального хозяйства вообще (а нередко и его полная ликвидация), передача господской земли в аренду крестьянам, всемерное расширение их торгово-экономической деятельности. Отмеченные тенденции развития будут присущи и позднефеодальной России (конец XVII—XVIII в.), но с одним принципиальным исключением: здесь в указанное

время происходит в целом не ослабление, а закрепление феодальной зависимости крестьян, и импульсы некрепостнической эволюции были здесь значительно слабее на общем фоне поступательного усиления самодержавно-крепостнического режима.

Вопросы для повторения

1. Дайте ваше определение иммунитета, иммунитетных отношений. Какие два плана в них можно выделить?
2. Какое время было расцветом для иммунитета? Как это вписывается в известную вам общую периодизацию феодализма?
3. Как соотносятся иммунитет и процессы государственной централизации?

III. 2. Иммунитет в средневековой Руси

а) церковно-монастырский иммунитет

Проблема феодального иммунитета на Руси довольно полно разработана для периода его становления (XI—XII вв.) и расцвета (XIV—XVI вв.). Из исследователей этой проблемы можно назвать Н. П. Павлова-Сильванского, С. Б. Веселовского, Л. В. Черепнина, Б. Н. Флорю, Я. Н. Щапова, но более всего — С. М. Каштанова. Из курса источниковедения следует напомнить студентам, что основным источником для изучения феодального иммунитета на Руси являются так называемые публично-правовые акты — жалованные и указные грамоты. Это жалованные *тарханские* (= *обельные*) и жалованные *несудимые* грамоты. Первые фиксировали финансовый иммунитет (если он был неполным, то документы назывались льготными и оброчными), вторые — судебный. Для исследования иммунитета церкви на Руси первостепенное значение имеют уставные княжеские грамоты («уставы») и ханские ярлыки XIII—XIV вв. русским митрополитам.

Наиболее сформированным на Руси оказался церковно-монастырский иммунитет, с изложения которого и стоит начать. Киевский вел. кн. Владимир ок. 995—996 г. передал основанной им Десятинной церкви десятую часть от княжеских доходов, даней, судов, торговых пошлин. В судебную компетенцию церкви были включены дела о браках и о замене языческих брачных обрядов новыми, христианскими. Был определен судебный иммунитет церкви над подведомственными ей людьми и учреждениями: игуменом, попом, диаконом, клирошанином, чернцом, черницей, попадьей, попovichем, лечцем (врачом), прощенником, задушным человеком; монастырями,

гостиницами, странноприимными домами. Между всеми этими людьми митрополит и епископы ведали суд, обиду, наследственные дела. В сместных делах устанавливался «вопчий суд» князя и митрополита. В 1011—1015 гг. кн. Владимиром была создана уставная грамота о церковном суде для всех русских епископий.

Церковным уставом вел. кн. Ярослава Мудрого (до 1054 г.) судебная компетенция церкви значительно расширялась, за ней закреплялся широкий круг дел, подведомственный ранее княжескому суду. К ним относились: похищение невесты, изнасилование, разводы, рождение ребенка у незамужней, прелюбодеяние, блуд в близких степенях родства, двоеженство, скотоложство, оскорбление словом и действием, кражи, поджоги. Так еще в «довотчинный период» истории церкви государство позаботилось о ее материальном обеспечении. Суд церкви по названным делам значительно обогащал ее материально. В литературе такой суд назван «отраслевым» (Я. Н. Щапов) или «должностным» (А. Д. Горский). Постепенно формируется и чисто *вотчинный суд* церкви над прямо зависящими от нее людьми (прошеники, пущеники, задушные), а вскоре — и сидящими на земле крестьянами. В уставной и учредительной грамоте кн. Ростислава Мстиславича Смоленской епископии 1136—1150 гг., подробно изученной Я. Н. Щаповым, говорилось о финансовом и административно-судебном иммунитете епископа в отношении переданных ему людей в селах Дросенское и Ясенское — изгоях, бортнике, капустнике. Эти земли и людей епископия получила из состава княжеского домена Смоленского княжества.

По уставу новгородского кн. Всеволода Мстиславича XIII—XIV вв. церкви Иоанна Предтечи на Опоках суд новгородского владыки был независим от светского суда («ни князя, ни детей его, ни наместников его»). Церкви давалось право взвешивания на торгу, предоставлялся ряд торговых и провозных пошлин. Эти доходы, по мнению Я. Н. Щапова, были весьма важными, занимая для церкви второе место после феодальной ренты.

Образцовым документом, в котором было проведено разграничение власти московских князей и митрополитов, считается уставная договорная грамота 1404 г. Василия I и митрополита Киприана. Документ фиксирует полный судебный и неполный податной иммунитет митрополичьей кафедры над населением ее вотчины. По тяжбам великокняжеского населения с монахами или священниками митрополичьего дома устанавливался сместный суд владыки и князя. Претензии к митрополичьим должностным лицам (наместникам, волостелям, десятинникам) рассматривал сам великий князь. С. Б. Веселовский писал о том, что под покровом княжеских иммунитетных грамот, защищавших митрополичьи владения от княжеской администрации, развивался внутримитрополичий иммунитет домовых (приписных) мона-

стырей. Эти последние, в свою очередь, были защищены жалованными грамотами самих митрополитов от собственной администрации.

Вопросы и задания

1. Каких отечественных исследователей иммунитета феодальной Руси вы могли бы назвать?

2. Вспомните виды актового материала, отразившего различный иммунитет (административный, судебный, финансовый).

3. Какие церковные княжеские уставы и другие уставные документы в отношении церкви XI—XV вв. вам известны? Как эти мероприятия помогли определению места и роли церкви в русском средневековом обществе и государстве, формированию собственно церковного иммунитета?

4. Выясните структуру и состав иммунитета по жалованной тарханно-несудимой грамоте 1490 г. митрополита Зосимы Благовещенскому Сновитскому монастырю во Владимирском у. (Сборник документов по истории СССР. Вып. 2. С. 61—63). Где вы здесь видите защиту митрополитом приписной обители от владычной администрации?

* * *

Заметную роль в укреплении церковного иммунитета на Руси сыграли ханские ярлыки русским митрополитам (всего 6—7 документов) XIII—XIV вв. Согласно этим документам, различные баскаки, князья («улусные и ратные»), даншики, писцы и всякие «мимоходящие послы» не должны были привлекать попов и чернцов к уплате дани, поплужного, корма, яма, тамги, к предоставлению подвод и к отбыванию воинской повинности. Ярлыки гарантировали церкви неприкосновенность прав на ее имущество («земля, воды, винограды, огороды, мельницы, зимовища, летовища — да не замают их»). В ярлыке ханши Тайдулы 1347 г., наряду с освобождением русского духовенства от поборов в пользу татарских ханов, содержалось обращение к русским князьям с требованием не нарушать «пошлину» в их отношениях с митрополитами. Татарское слово *тархан* стало наиболее употребимым в определении жалованных иммунитетных («тарханных») грамот, дающих бессрочное освобождение грамотчику от основных государственных налогов. Наименование «тарханная грамота» сохраняется и в XVIII в.

Представляется справедливой мысль Я. Н. Щапова о религиозной *инертности* Орды. Она позволила церкви значительно расширить свою и вотчинную, и государственную юрисдикцию. Гарантии своих прав в ту эпоху церковь получала и от русских князей, и от татар в виде ханских ярлыков. В отличие от Руси, в соседней Литве церковная юрисдикция и иммунитет

оказались ослабленными. Здесь сыграл свою негативную роль перенос митрополичьей кафедры сначала во Владимир, затем — в Москву. Параллельно с сужением церковной юрисдикции в Литве расширялась юрисдикция светская. Она выражалась, например, в праве великих литовских князей самим назначать настоятелей в монастыри *из светских лиц*, что было явным нарушением церковных канонов. Литовские господа могли по своему усмотрению регулировать внутреннюю жизнь монастырских общин. Верховная собственность на монастырь могла принадлежать какому-нибудь вассалу господаря. Интересы монастыря в суде представлялись этим частным лицом, вассалом. Отмеченные особенности тормозили формирование в Литве целостного духовного сословия.

На Руси в XIV—XV вв. в посланиях церковных иерархов отстаивается идея независимости церковного суда от светского. По статье 38 Правосудия митрополичьего в монастырские дела и монастырских людей не мог вступаться кто бы то ни было (из светских властелинов), кроме митрополита. В некоторых епархиях владыки имели право суда над населением не только в духовных, но и в гражданских делах. В жалованной тарханно-несудимой грамоте Ивана III пермскому епископу Филофею 1482/83 г. говорилось о том, что владыка мог ведать своих людей (под последними понимаются и крестьяне) во всем, «опроче душегубства». Ростовский архиепископ, наравне с Иваном III, мог судить «попов соборных и их причта церковного» кафедрального Успенского собора в Великом Устюге.

А. Д. Горский отмечает, что для митрополичьего и владычного суда в большей степени был присущ «должностной» характер, тогда как протопопы крупных соборов (Московского Архангельского, Устюжского Успенского) и настоятели монастырей обладали по преимуществу вотчинным судом.

Остановимся подробнее на *монастырском иммунитете* XII—XVII вв. Начальный этап его формирования студенты изучают по уже упоминавшимся в I гл. ранним жалованным грамотам новгородским монастырям XII в. Вел. кн. Мстислав и сын его Всеволод передавали Новгородскому Юрьеву монастырю в 1130 г. волость Буец и «*осенние полюдие даровьное*», то есть с правом сбора «дара» в объездной форме полюдья. В 1146—1155 гг. вел. кн. Изяслав Мстиславич пожаловал Пантелеймонову монастырю село Витославицы из фонда государственных земель Новгорода. Пожалование сопровождается учреждением монастыря, что отчасти напоминает фундаментальную грамоту в Западной Европе: «И устроил есми святому Пантелеймону монастырь и посадил есми в нем игумена Аркадия». Еще один важный момент — передача монастырю права на сбор доходов с крестьян в свою пользу: «А смердам витославицам не потянути им ни ко князю, ни к епископу, ни в городики потуги, ни ко смердом ни в какие потуги, ни иною вивир-

цю, а потянути им ко святому Пантелеймону в монастырь к игумену и к братьи»).

По XIV—XV вв. студентами изучаются две классические жалованные грамоты корпорации тверских князей Отрочу Успенскому монастырю с приписными. По этим документам можно установить все виды иммунитета — заповедный, налоговый, судебный. Тарханный характер грамоты доказывался широким кругом податных освобождений: «монастырским «сиротам» не надобе никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни осмничее, ни сторожевое, ни медовое, ни писчее, ни корм, ни бобровое, ни иной никоторой пошшины к городу, ни к волости, ни служба, ни дело княже, ни дворский, ни старосты от их не замают ни по что...». Полнота судебного иммунитета в этих документах подтверждается тем, что даже по наиболее тяжким уголовным преступлениям («разбой, душегубство или татьба») монастырское население подчинялось игумену и находилось под его юрисдикцией, без обычного изъятия такого рода дел в пользу княжеского суда.

Стоит отметить необыкновенную широту состава лиц, подведомственных вотчинному суду настоятеля в жалованных монастырских грамотах XV в., на что обратил особое внимание А. Д. Горский. В анализируемых тверских грамотах это и игумены приписных монастырей (к Отрочу), и попы, и дьяконы, и «конархисты», и чернцы, и «сторонники», и «все церковное исполнение», и слуги монастырские, и ключники, и вольные люди, и, наконец, сироты, то есть монастырские крестьяне. За одни скобки церковники и крестьяне взяты и в упоминавшейся жалованной грамоте митрополита Зосимы Благовещенскому Сновитскому монастырю во Владимирском у. 1490 г. Сновитский игумен мог судить и игумена приписного монастырька «Пречистые в Любце», и старцев, и попа Никольской церкви, и всех своих «христиан» (то есть крестьян). А. Д. Горский объясняет такой порядок еще не законченной к концу XV в. сословной размежеванностью духовенства и других общественных классов. В 1551 г., идя на уступки митрополиту Макарию, Иван IV передал настоятелей большинства монастырей в ведение святительского суда не только по духовным, но и гражданским делам. Эта мера, как справедливо считает крупнейший современный знаток проблемы иммунитета С. М. Каштанов, серьезно ослабила степень подданства монастырских настоятелей царской власти. После же смерти митрополитиана Макария в 1551 г. государство вернулось к прежнему порядку вещей: в гражданских делах была установлена подведомственность монашества гражданскому суду.

Иммунитетный статус русских монастырей в рамках единого государства XVI—XVII вв. был весьма разнообразным. Он определялся мощностью экономического потенциала и степенью политического влияния той или иной

обители. С. М. Каштанов предложил такой термин — *вариативно-корпоративное* иммунитетное право в XVI в., что в конечном счете объяснялось еще далеко не изжитыми к XVI в. явлениями экономической и политической раздробленности в стране. Одновременно с существованием вариативно-корпоративного иммунитетного права в России XVI—XVII вв. шел процесс выравнивания, унификации иммунитетных норм. Отмеченная унификация реализовывалась в различных мероприятиях правительства по отношению к имунистам. Это и проведение массовых пересмотров жалованных грамот в 1505, 1534, 1551, 1620-е гг., и практика выдачи *общих жалованных грамот* монастырям, вотчины которых располагались в десятках уездов страны. В том же русле может рассматриваться и систематическое проведение писцовых описаний земельных владений имунистов, которые С. М. Каштанов и Е. И. Кольчева справедливо считают инструментом финансовой политики правительства. Для сравнения скажем, что, например, в Византии при полной налоговой экзиминованности светских вотчин («проний») запрещалось составление каких бы то ни было их налоговых списков государственными агентами. Унифицируются и сами окладные единицы (в которых выражалось государево тягло) в 1550-е годы. Для церковно-монастырских земель вводится единообразная соха, равная 600—700—800 четвертям земли соответственно доброго, среднего и худого качества. В период проведения частичной налоговой реформы в 1620-е годы для монастырей были также установлены унифицированные числовые значения «живущей» (дворовой) четверти.

В те же 1620-е годы для большинства русских монастырей были введены одни и те же государственные налоги — ямские деньги (привлечение монастырей к их уплате было достигнуто еще в конце 40-х — начале 50-х гг. XVI в.), стрелецкие хлебные запасы, городское и острожное дело. Сами монастырские власти имели право собирать со своих крестьян госналоги и организовывать отбывание госповинностей. Административная заповедность монастырских вотчин и в XVII в. не должна была нарушаться въездом «ямских стройщиков и денежных зборщиков». Следовательно, сбор государственных налогов с многочисленного отряда монастырских крестьян всецело находился в XVII в. в сеньориальной, а не публично-правовой сфере.

Государство сносилось в XVII в. с монастырями напрямую, минуя местный аппарат управления (воевод, губных старост). Независимо от своего ранга все обители ведались в одном центральном учреждении — Приказе Большого Дворца. Для всех них были установлены три единичных судебных срока по предъявлению исков их населению: Троицын день, Семенов день Летопроводца (1 сентября по ст. ст.) и Рождество Христово (25 декабря по ст. ст.). Из судебной компетенции монастырских настоятелей в XVI—

XVII вв. изымались лишь дела о «душегубстве, разбое и татьбе». По остальным правонарушениям игумены и архимандриты могли сами судить подведомственное им население.

К числу несомненных привилегий русских монастырей, сохранившихся до конца XVII в., можно отнести и их право не платить подписных, печатных и явочных пошлин при оформлении и предъявлении своих жалованных и «управных всяких грамот» должностным лицам высших и центральных учреждений. По Соборному Уложению (гл. 18 — о Печатном приказе) это право-привилегию имели Троице-Сергиев и Московский Ново-Спасский монастыри. Во второй половине XVII в. его добились для себя и другие церковные учреждения — Патриарший дом, Успенский собор Московского Кремля, Саввино-Сторожевский Чудов, Воскресенский на Истре, Симонов, Ново-Девичий, Высокопетровский, Московский Алексеевский монастыри. Лишь в 1699 г. эта привилегия для всех них без исключения была отменена со ссылкой на предшествовавшую (в 1672 и 1677 гг.) отмену вообще всяких тарханных грамот.

Вопросы для закрепления знания терминологии

1. Итак, мы часто употребляем термин «тархан». Вспомните его происхождение, когда он мог появиться на Руси? Каково изначальное значение этого термина? Какое русское определение тарханных грамот может быть их эквивалентом?

2. Как вы понимаете выражение «вариативно-корпоративное иммунитетное право»? В чем оно выражалось?

3. В чем выражалась его унификация на протяжении XVI—XVII вв.?

4. Ваше понимание слов «душегубство» (какой смысл в это вкладывался? Как такое же преступление называлось в Русской Правде?), «татьба», «разбой». Что вы помните о Разбойном приказе и его функциях в XVI—XVII вв., о губной реформе 1530—1550-х гг. и губных старостах?

* * *

Еще одним важным проявлением монастырского иммунитета было право монастырей на сбор таможенных пошлин на своей территории и обширные мытно-проезжие привилегии для их торговли. Истоки этого вида иммунитета уходят, как считает Я. Н. Щапов, в XII в. В условиях экономического подъема в России второй половины XVII в. вполне определились два основных способа таможенной организации крупнейших русских монастырей, например Троице-Сергиева. Первый способ заключался в передаче

государством в руки монастырских властей права на сбор таможенных пошлин в развитых торгово-ремесленных поселениях, торжках и т. п. Такая образцовая таможенная организация, значительно обогащавшая корпорацию, существовала в XVI—XVII вв. в подмонастырском селе Клементьево. В 1700 г. Петр I отменил для монастыря это право, передав сбор тамги в Московскую Ратушу, однако, как показывает приходно-расходная книга Троицы 1703—1704 гг., и в начале XVIII в. Троицкий монастырь продолжал получать немалый доход в с. Клементьево.

Второй способ таможенной организации заключался в передаче государством на откуп наиболее состоятельным монастырским крестьянам права на сбор таможенных пошлин в торговых селах. Крестьяне вносили откупные суммы в Московский Приказ Большого Прихода. В XVII в. наблюдается определенное экономическое соревнование, соперничество корпораций с собственными крестьянами в торговой сфере и стремление монастыря вытеснить из нее наиболее предприимчивых крестьян. Естественно, при первом из отмеченных способов таможенной организации монастырь получал больший доход. В рассматриваемое время (вторая половина XVII — начало XVIII в.) вообще наблюдается повышенное обложение мельниц, харчевен, бань, мостов, лавок, торговых «шалашей», крестьянских хлебно-торговых операций, ремесел и промыслов, других доходных статей и занятий, помимо собственно земледельческих. Аналогичные явления отмечают медиевисты (М. А. Барг, А. Я. Гуревич) для английской и французской *баналитетной вотчины-сеньории*. Там в XIV—XV вв. феодалы также старались извлечь в свою пользу наибольшую выгоду из обложения мельниц, хлебных печей, виноградных давилен. Сеньориальное обложение всюду старалось улавливать возрастающие экономические возможности крестьянства на этапе позднего феодализма.

Малоисследованной стороной в эволюции монастырского иммунитета в позднефеодальный период остается вопрос об удельном весе чисто административно-судебных (а не поземельно-рентных) взиманий в крупных вотчинах-сеньориях России. В изучаемой нами огромной по масштабам Троицкой латифундии на протяжении XVI—XVII вв. наблюдалось возрастание административно-судебных взиманий. Скажем, в конце XVI в. в некоторых угличских кашинских комплексах монастыря размеры судебно-административных поборов превосходили суммы поземельного оброка. Наиболее явственно эта тенденция проявлялась в барщинных имениях, требующих повышенного нажима на крестьянское население. Приходо-расходная книга начала XVIII в. показывает значительное превышение платежей «за дьячьи въезжии, приказчиков и доводчиков доход» в наиболее крупных вотчинных комплексах Угличского, Ярославского, Костромского,

Бежецкого уездов. Снова стоит вспомнить мысль И. Ф. Колесниченко о том, что сила воздействия вотчинных властей во многом определялась размерами вотчинных доходов. Обширные масштабы монастырского землевладения требовали в целях управления большого и эффективного административно-хозяйственного аппарата (приказчиков, ключников, слуг, доводчиков и др.). Внушительные денежные суммы, и рентные поступления, и административно-судебные взносы, в свою очередь, делали возможным содержание многочисленного *министериалитета*.

В целом к началу XVIII в. можно говорить о неполноте публично-правового подданства монастырских крестьян государству. У них преобладал сеньориально-зависимый статус. Они находились в сфере сеньориальной юрисдикции. Государство в России даже и в преддверии своего превращения в абсолютистское еще не встало над всем населением страны в области управления и финансов. Церковно-монастырская собственность предстает как весьма обремененная публично-правовыми прерогативами. На Западе же эволюция феодальной собственности заключалась во все большем ее освобождении от таких функций, сосредоточении последних в руках агентов короны (М. А. Барг).

б) иммунитет светских феодалов в России

Это, пожалуй, самая трудная проблема в области изучения феодального иммунитета на Руси. Одна из причин — значительно меньшее количество актового материала, отразившего светский иммунитет, в отличие от церковно-монастырских по происхождению источников. Теории возникновения иммунитета разрабатывались в отечественной науке применительно как раз к светскому его варианту. Одна теория (В. И. Сергеевич, С. Б. Веселовский) выводила иммунитет светских феодалов (их несудимость местными властями) из пожалований князей. С. Б. Веселовский видел в иммунитете комплекс чисто личных прав судебных и налоговых привилегий служилых людей, обусловленных исключительно княжескими пожалованиями.

Согласно второй теории происхождения иммунитета (К. А. Неволин, Н. П. Павлов-Сильванский, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин, С. М. Каштанов) его выводят из «исконного обычного права крупных землевладельцев» (выражение Н. П. Павлова-Сильванского). Л. В. Черепнин писал о двух тенденциях в развитии иммунитета на Руси. Одна заключалась в стремлении имунистов-грамотчиков к расширению своих привилегий. Другая, ограничительная, — в борьбе великокняжеской власти за их сокращение. К концу XV в. именно вторая и одерживает верх в связи с образованием единого Русского государства с сильной великокняжеской властью.

Приводя юго-славянские параллели, Л. В. Черепнин отмечает, что в Сербии, например, победила первая тенденция. Формулы из хрисовулов (жалованных грамот) сербских правителей перешли в «Законник» Стефана Душана, приобретя тем самым общезаконодательный характер. В «Законнике» говорилось о полном судебном иммунитете феодалов без всяких ограничений. В сравнительно-историческом ракурсе Русь — Польша светский иммунитет был рассмотрен Б. Н. Флорей. Исследователь показал, что в Польше феодалы имели гораздо более обширные и полные податные привилегии. Польские короли вынуждены даже были повышать доходность находившихся в их руках государственных регалий — монетной, соляной, а также усиливать экономическую отдачу от собственного домена. Что же касается судебного иммунитета, то в Польше дела распределялись по двум категориям: 1) малой юрисдикции (*causae minores*) — они находились в ведении феодалов-иммунитов и 2) высшей юрисдикции (*causae maiores*) — ими ведал королевский суд.

В научной литературе (С. М. Каштанов, А. Н. Котляров) отмечается слабость русского боярства и светской вотчины-сеньории. О формировании боярского землевладения в Северо-Восточной Руси под эгидой княжеской власти говорилось выше, в I-й главе. У нас не было боярских замков — символа независимости феодальной аристократии, и бояре здесь защищали не свой замок каждый, а все вместе — княжий «град». «Сесть в городную осаду» с князем вместе — вот неперемнная обязанность боярства. Боярские владения не освобождались от важнейших в XIV—XV вв. налогов — дани и «ордынского выхода». Князю принадлежали и высшие судебные прерогативы над населением боярских вотчин (по делам о душегубстве и разбое с поличным).

Б. Н. Флоря установил значительное разнообразие иммунитетного статуса светских феодалов Московской Руси, обусловленное разнородностью самого состава этого класса. В него входили и рядовые служилые люди, и представители московских боярских родов (из их числа шло формирование «государева двора» великих князей), и потомки бывших самостоятельных князей, перешедших на службу московским государям. В ходе известной нивелировки положения господствующего класса в Московском княжестве в 1440—1470-х гг. было выработано, как выяснил Б. Н. Флоря, два типа иммунитетных пожалований. Первый тип представлял собой освобождение от торговых пошлин и госналогов на родовые и купленные вотчины. Второй — освобождал от «кормов» и выдавался на земли, переданные феодалам государями, на которые эти последние сохраняли свое верховное право собственности.

Иной тип жалованных грамот был выработан для новгородских помещиков. В этих документах имелось лишь распоряжение, что поместье дается «з доходом денежным и хлебным по старине, *опричь моей, великого князя, дани*». Б. Н. Флоря заметил значительное расширение сферы применения особых норм иммунитета для условных пожалований по мере раздачи земель на поместном праве в первой половине XVI в.

Вопросы и задания

1. Какую связь вы заметили между процессами формирования светской вотчинной системы в Северо-Восточной Руси и особенностями светского иммунитета?

2. Проанализируйте одну из широко известных светских иммунитетных грамот — Василия II Семену Писарю 1441 г. (Сборник документов. Вып. 2. С. 29—30). Каков состав здесь светского иммунитета? Обратите внимание на объем прав Семена Писаря в отношении населения жалуемого им села в Коломенском уезде и на личный статус самого грамотчика.

* * *

Важным этапом ограничения податного иммунитета светских феодалов был массовый пересмотр жалованных грамот при Василии III в 1505—1507 гг. Полной унификации этого института еще не произошло, но все равно данное мероприятие может рассматриваться именно в таком плане. Судя по тому, что после 1506 г. практиковалась выдача светским феодалам только *несудимых* грамот, их податной иммунитет в начале XVI в. был ликвидирован. Одна и та же линия проводилась правительством по отношению к разным видам феодальной земельной собственности (поместьям; вотчинам родовым, купленным, пожалованным). Действие унифицированных норм распространялось на лиц, принадлежавших к разным слоям господствующего класса и к разным территориям (Тверь, Рязань), где ранее действовали отличные от московской системы нормы.

По наблюдениям С. М. Каштанова, в годы боярского правления (1538—1546 гг.) иногда подтверждался иммунитет светских и духовных феодалов, но его массового расширения не было. Всего за первую половину XVI в. было выдано 57 жалованных и льготных грамот русским и татарским феодалам на их поместья и вотчины. Продолжали выдавать грамоты и удельные князья, хотя и меньше, чем Василий III и Иван IV, причем старались ставить своих удельно-княжеских слуг в более выгодное положение.

Знание студентами того, что такое «тарханная грамота» (она оформляла бессрочное освобождение от основных государственных налогов), должно

помочь в трактовке статьи 43 Царского Судебника 1550 г. Статья предписывала не выдавать впредь никому тарханских грамот, а старые тарханские грамоты «поймати у всех». Во осуществление этой статьи в мае 1551 г. была проведена массовая ревизия 236 грамот (их максимальное выявление принадлежит С. М. Каштанову). Светские иммунитетные грамоты давали освобождение от основных государственных налогов — ямских денег, посошной службы, мыта и тамги. Кроме того, в Судебнике рассматривался также и судебный иммунитет светских феодалов. Статья 64 упоминает о каком-то едином типе «вопчих грамот», по которым наместники могли судить детей боярских. Вскоре после издания Судебника наместничье управление в России было отменено, и проблема несудимых грамот для светских землевладельцев, как считает И. И. Смирнов, была снята. Поэтому их выдача в дальнейшем прекращается.

Таким образом, реформы местного управления 1550-х гг. ликвидировали и наместников, и иммунитетные грамоты. Но это не означало ликвидации судебно-политической власти землевладельцев по отношению к крестьянам. Материальной основой светского вотчинного суда по-прежнему оставалась феодальная земельная собственность. Ее же привилегированный статус в государстве находил выражение в обложении налогами по более низким ставкам по сравнению с черносошными землями: поместно-вотчинная соха (окладная единица) составляла 800—1000—1200 четв. соответственно доброго, среднего, худого качества (а на черносошных землях по 500—600—700 четв. в соху).

В плане помещичье-крестьянских отношений иммунитет в XVII—XVIII вв. входит в сложившуюся систему крепостного права в России. Одним из принципов податной реформы Петра I было возложение на дворян обязанности сбора со своих крестьян государственных налогов. Фактически правительство переложило на помещиков функции местных властей. Памятником же общесословного иммунитетного права можно считать Екатерининскую Жалованную грамоту дворянству 1785 г.

Вопросы и задания

1. На основе уже изученных вами иммунитетных грамот скажите, в чем был тождественным состав иммунитета светских и духовных феодалов?
2. В чем различие иммунитета светских феодалов на Руси и в славянских странах (Чехии, Польше, Болгарии, Сербии)? Вопрос этот подробно разбирается в статьях Л. В. Черепнина и Б. Н. Флори.
3. Раскройте конкретные ограничительные мероприятия иммунитетной политики Русского государства в XVI—XVII вв. Какой иммунитет — светский или монастырский — и почему подвергался наибольшему ограничению и унификации?

4. Как вы относитесь к высказанной выше точке зрения, что иммунитет — это суть крепостное право? Данную мысль развивали в старой историографии В. И. Сергеевич, П. И. Беляев, М. А. Дьяконов, С. Б. Веселовский, М. Н. Покровский.

ГЛАВА IV

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА В РОССИИ XI—XVII вв.

IV.1. Теоретические аспекты проблемы

Термин «рента» происходит от латинского причастия «*téndita*», что означает «отданная безвозмездно». Рента является важнейшей экономической категорией феодализма: Рента — это часть прибавочного продукта, произведенного в крестьянском хозяйстве и присвоенного собственником земли. В ренте можно видеть *экономическую реализацию* земельной собственности. Не забудем, что *присвоение* — это важная черта собственности, наряду с владением, распоряжением, использованием.

Логический анализ феодальной земельной собственности был дан К. Марксом в 47-й главе III-го тома «Капитала». Начинается этот анализ с рассмотрения отработочной ренты. Говоря о ней, следует учитывать господство при феодализме натурального хозяйства, то есть производства потребительных стоимостей. На ранних этапах феодализма связь этого хозяйства с рынком или вовсе отсутствовала, или была еще весьма слаба. *Отработочная рента* представляла собой присвоение прибавочного труда крестьянина в его непосредственной физической форме, то есть как бы в натуральном виде. При такого рода эксплуатации необходимый труд крестьянина на его наделе и прибавочный — на земле господина — были разделены во времени и пространстве. Здесь перед нами наиболее осязаемая, грубая форма принудительного труда одного человека на другого. Для организации такого труда земельному собственнику был нужен административно-хозяйственный аппарат в виде слуг, приказчиков, посельских и т. п.

Анализируя отработочную ренту в плане теоретическом, можно также говорить о своего рода экономическом соревновании двух видов феодального хозяйства — крестьянского и господского (домениального). Производительность необходимого труда крестьянина в его хозяйстве была выше, чем производительность прибавочного труда в хозяйстве сеньора. В этой связи следует отметить большую историческую перспективность крестьян-

ского хозяйства, поскольку именно с ним был связан прогресс аграрной сферы развития в средние века.

Вторая форма феодальной ренты — *натуральная* (или рента продуктами), как и отработочная, имела натурально-хозяйственное происхождение. Если при первой форме присваивался сам труд крестьянина, то при второй — произведенный им натуральный продукт. Под последним понимается не только чисто земледельческий продукт, но и изделия домашнего ремесла и промышленности, дары лесных и иных промыслов. Затрачиваемое крестьянином в своем собственном хозяйстве рабочее время было более производительным. Здесь земледелец располагал большей экономической самостоятельностью.

Для организации и отработочной, и продуктовой ренты феодалам требовались наиболее грубые формы *внеэкономического принуждения*. Последнее называется так потому, что располагавший своим хозяйством крестьянин экономически был действительно независим от феодала. Для отчуждения у земледельца прибавочного продукта или прибавочного труда требовались жесткие внеэкономические меры воздействия. Их юридическим оформлением и служил как раз иммунитет, о котором шла речь в предшествующей главе. Жалованными грамотами юридически закреплялись спонтанно возникавшие и функционировавшие сеньориально-вотчинные отношения. Говоря о соотношении иммунитета и ренты, византинист К. В. Хвостова отмечает, что первый — это категория юридическая, а вторая — категория экономическая, означающая реализацию феодалом монопольного права земельной собственности. С. М. Каштанов писал о том, что иммунитет порождает право земельного собственника к принуждению своих крестьян к уплате феодальной ренты. С помощью иммунитета достигались необходимые феодалам нормы эксплуатации крестьян в их владельческом барском хозяйстве. Иммунитет позволял собственникам так распределить внеэкономическое принуждение, чтобы добиться как прибавочного труда в натуральном виде, так и прибавочной стоимости в натуральной или денежной форме.

Третья форма феодальной ренты — *денежная* — является исторически последней и высшей ее формой. Она возникает из превращения ренты продуктами в товарно-денежную форму. Значит, теперь часть своей продукции крестьянин производит в товарной форме с целью ее реализации на рынке. Рыночная цена этой продукции играет роль в определении размеров денежной ренты. Последняя развивается в условиях значительного подъема товарного производства, роста городов и усиления их спроса на сельскохозяйственную продукцию. При денежной (как и при натуральной) ренте акцент в системе эксплуатации делается не на господское, а на крестьянское хозяйст-

во. Постепенно преодолевается преимущественно натуральный, замкнутый, однородный характер крестьянского хозяйства. Оно становится по облику своему более разнообразным, многопрофильным, теснее связывается с рынком. Еще в рамках продуктовой ренты подготавливается окончательное обособление ремесла от сельского хозяйства. Теперь же еще сильнее выражена тенденция к тому, что отдельные крестьянские хозяйства приобретают специализированный уклон, крестьяне реализуют на рынке производимые ими ремесленные изделия, результаты обработки различного сырья.

Не следует думать, что с развитием денежной ренты автоматически начинается упадок, разложение феодализма. Напротив, перед феодализмом открываются новые возможности роста. Феодальная эксплуатация достигает при этой форме ренты более высокой степени и у феодалов, и у государства.

Совокупная феодальная рента включала в себя два компонента: 1) сеньориальные, владельческие взимания с крестьян; 2) государственные платежи с них же. Соотношение этих компонентов — наиболее сложная проблема в изучении феодализма. Упомянем также и о других, не являвшихся сугубо поземельно-рентными изъятиях, поборах и взносах. Выше, в главе об иммунитете, уже шла речь об административно-судебных и таможенных (а были еще и свадебные, и праздничные) поступлениях с крестьян в пользу собственников земли. Б. Ф. Поршнев отмечает, что судебные штрафы составляли очень важную статью доходов феодалов почти на всех этапах развития феодализма. При всей своей кажущейся нерегулярности эти доходы в массе своей представляли весьма существенную часть совокупной феодальной ренты. Здесь же подчеркнем, что административно-судебные пошлины, взимание которых представляло экономическую реализацию сеньориального, вотчинного режима (юридически оформленного в иммунитете), брались обычно в денежной форме.

IV.2. Рента на Руси в период раннего феодализма (IX—XII вв.)

Значительная часть крестьянства Древнерусского государства эксплуатировалась в системе государственной земельной собственности через поземельную подать-дань. Дань являлась исторически первой формой феодальной ренты, и здесь она по сути совпадала с налогом. В состав дани входили продукты сельскохозяйственного производства, промыслов; деньги. Первоначально взывание дани производилось посредством *полюдья*, то есть поездок княжеских дружинников в подвластные земли, в которых они кормились за счет местного населения. Можно отметить два значения термина «*полюдье*»: это, во-первых, объезд, т. е. объездная, подвижная форма организации управления на подвластной территории и, во-

вторых, сам получаемый во исполнение таковых функций натуральный корм с населения.

В I-й главе пособия шла речь о ранних этапах складывания феодальной собственности на землю в Древней Руси. Первоначальной ее формой являлась верховная (государственная) собственность. Ее можно также назвать государственно-корпоративной, поскольку присвоение дани-налога производилось корпоративно княжеской властью с институтом дружины. Верховная собственность на землю и подати стали основой *вневогочинной государственной эксплуатации* непосредственных производителей в Древней Руси. Дань раскладывалась по погостам (поселениям соседских общин) и взыскивалась со «двора», «дыма», «рала», «плуга», то есть с отдельных крестьянских хозяйств. Погосты в этой связи приобретают значение территориально-финансовых округов. Регулярный и нормированный характер дань получает в ходе финансовых реформ великой княгини Ольги в 946—947 гг. На смену «полюдью» приходит «повоз», то есть доставка дани в определенные центры-погосты самим населением.

В систему раннефеодальной ренты могут быть включены и судебные штрафы («продажи») в княжескую казну, заменившие прежние платежи в пользу потерпевших («за обиду»). Общинники постепенно утрачивали возможность свободно распоряжаться продуктами своего труда, доходами со своих земель, становившихся верховной собственностью государства. А. Л. Шапиро по-иному понимает и сам характер первичной собственности в Древней Руси, и природу собираемой тогда ренты. По мнению этого исследователя, в период Древней Руси следует различать *верховную территориальную собственность* (*dominium eminens*) и княжеское право собственности (*dominium directum*). Последнее еще не распространялось на массивы общинных крестьянских земель, поэтому в изъятии дани Шапиро усматривает не рентно-налоговую, а публично-правовую основу. Это было то, что выражало публично-правовой статус государственной власти. Л. В. Данилова считает, что в X—XI вв. на Руси государственной собственности еще не было, а существовал верховный суверенитет.

Вопросы и задания

1. Вспомните, что такое «феодализация», каким было содержание этого процесса в Древней Руси?

2. В Повести Временных лет о дани говорится по-разному: «имаше дань», «возложи дань», «вдаша дань», «устави дань», «платят дань и повоз везут» (см: Сборник документов по истории СССР. Вып. I. М., 1970.

С. 51—52, 58, 76, 88). Какие действия княжеской власти и какие способы взимания дани можно усмотреть за приведенными формулировками?

3. Дайте определение терминам «рента», «раннефеодальная рента», «рента-налог».

* * *

По мере складывания княжеских доменальных владений появлялась группа зависимых крестьян-смердов, составлявших население княжеской вотчины. В ст. 22 Краткой Правды упоминается «ратайный» (то есть пашенный) староста, который мог надзирать над барщинными работами смердов. Состав оброка зависимых от Смоленского князя Ростислава Мстиславича «прошенников» — «медом и кунами (деньгами)» — указан в его Уставной грамоте Смоленской епископии 1136—1150 гг.

В процессе феодализации часть смердов-данников переходила под княжеский патронат. «Закладываться» за князя могли и целые села, и отдельные крестьяне. Статья 71 Пространной Правды запрещала смерду мучить смерда «без княжеского слова». Вероятно, здесь речь должна идти о внутриобщинных судебных разбирательствах, связанных с применением «ордалий» (божьего суда). Данная статья говорит об узурпации княжеской властью судебных функций общины. В статье 90 той же Правды читаем о присвоении князем имущественных прав общины: выморочное имущество умершего смерда идет князю.

Вопрос: вспомните, как такое право называлось в средневековой Европе?

Сведения о распространении отработочной ренты (полевой барщины) на новые категории крестьянства по мере углубления процесса феодализации находим в Пространной Правде. В группе статей о закупах упоминаются их сельскохозяйственные работы, в том числе и на своего господина: «...аще ли господин его отслеть на свое орудье».

Вопрос: что значит «ролейные закупы», что такое «ролья»?

Таким образом, в раннефеодальный период преобладала государственная эксплуатация крестьянства в форме дани-налога. Первые шаги наметились в вотчинной эксплуатации крестьян (в рамках княжеского доменального, боярского и церковного хозяйства).

Вопросы и задания

1. Вспомните известные вам категории сельского населения Древней Руси, охарактеризуйте их положение.

2. Проанализируйте отрывки из Повести Временных лет, посвященные хозяйству смердов (Материалы по истории СССР. Вып. 2. С. 26—27).

IV.3. Рента на первом этапе развитого феодализма (XII—XV вв.)

Вспомним, что на этом этапе на Руси завершается становление феодальной собственности на землю, складывается ее разветвленная иерархическая структура. Происходит рост феодальной эксплуатации за счет разрастания, расширения совокупности платежей и повинностей как в сфере государственной, так и в сфере сеньориальной. Тягчайшим бременем для русского крестьянства в этот период стали платежи в Орду (регулярные и нерегулярные). Главным объектом государственной эксплуатации были черносошные крестьяне. В ее сфере находились и другие категории населения — крестьяне вотчин-сеньорий. Уровень такой эксплуатации для последних зависел от полноты и степени их иммунитета (финансового и административно-судебного).

Конкретно государственные повинности черносошных крестьян заключались в кормовом содержании аппарата местного управления — наместников, волостелей, тиунов, данщиков, писцов, доводчиков, недельщиков и «всяких судей». Доходы наместнического аппарата управления складывались из натуральных кормов, судебных пошлин и штрафов, из таможенных пошлин и из пошлин, взимаемых при оформлении сделок на холопов (рабов). Наместники могли также осуществлять суд по земельным делам и получать за это определенное вознаграждение. В. Д. Назаров развивает взгляд на средневековую русскую систему кормлений как на своего рода *рентный фьеф*, когда господствующий класс корпоративно обогащался от отправления административно-судебных, налоговых, различных других функций. Государство в тот период еще не имело строго отчлененного от господствующего класса аппарата управления. Ассоциация феодалов вся корпоративно была привлечена к исполнению публично-правовых функций. Помимо кормового обеспечения наместнического аппарата, черносошные крестьяне привлекались к отбыванию воинской службы («посоха»), другим военным повинностям («город рубити»).

XII—XV вв. стали временем еще более широкого, чем в Древней Руси, распространения княжеского доменального (дворцового) землевладения. В княжеских вотчинах дворцовые крестьяне выполняли обширный объем работ (пахота, сев, жатва, помол, перевозка хлеба, заготовка сена и дров) в рамках зернового производства. Использовался их труд и в промысловом хозяйстве, заметном для крупных княжеских, боярских, монастырских вотчин (солеварение, рыболовство, бортничество, охота). Они привлекались также к подводной повинности, ремонтно-строительным и мостовым работам. Ведущей формой сеньориальной ренты в XII—XV вв. был *натуральный оброк*. Он известен в виде издоля (части урожая в виде 4—5-го снопа)

либо фиксированного «поспа». На существование денежного оброка уже в то время может указывать категория крестьян-серебрянников. Более весомыми на Северо-Востоке Руси, как уже говорилось, были денежные доходы вотчинников от судебно-административных взиманий.

Вопросы и задания

1. В XIV—XV вв. известны такие категории крестьян, как «половники», «третники». Какой вид ренты можно усматривать за приведенными определениями?

2. Выше вам уже предлагались для анализа иммунитетные грамоты. Стоит обратиться к ним еще раз. Например, по жалованным грамотам тверских князей Отрочу монастырю XIV—XV вв. выясните состав повинностей тяглого (не защищенного иммунитетом) населения Тверского княжества (Материалы для семинарских занятий. Вып. 2. С. 41—42, 71—73).

3. Выясните состав феодальной ренты у крестьян Константино-Еленинского монастыря по уставной грамоте митрополита Киприана 1391 г. (Материалы... С. 48—49). Почему степень эксплуатации «больших людей» и «пешеходцев» (кто это такие?) сильно отличается? Докажите безраздельное господство натурального хозяйства (и крестьянского, и господского) по этому документу.

IV.4. Рента на втором этапе развитого феодализма (рубеж XV—XVI — середина XVII в.)

Важнейшим фактором дальнейшей эволюции феодальной ренты в России стало образование к концу XV в. единого Русского государства, интенсивное развитие поместной системы, продолжающийся рост вотчинной собственности (особенно монастырей). В конце XV — первой половине XVI в. происходит постепенное вытеснение государственно-корпоративных взиманий государственно-централизованными. Становится более совершенной система управления государством и на местах (губная и земская реформы, отмена системы кормлений в 1550-х гг.). В конце 40-х — начале 50-х гг. вводится ряд новых общегосударственных налогов (ямские, полоняничные, пищальные, стрелецкие деньги, ямчужное дело (изготовление пороха)). Главное заключалось в повсеместном переводе на деньги всех государственных налогов, в том числе и недавно введенных. Это стало серьезным фактором преобразования и внутрифеодальной сферы, сеньориально-крестьянских отношений.

Государственная налоговая система в России действительно могла оказывать влияние на феодальную ренту. Скажем, рост денежных платежей на государство не оставлял частному вотчиннику другого пути увеличения собственных доходов, кроме насаждения барщины у себя в имении. Денежные поборы в пользу государства (а они возрастают в период изнурительной Ливонской войны) обуславливали необходимость появления крестьянина на рынке. Заботой о податях были продиктованы решительные меры правительства по ограничению финансового иммунитета крупных феодалов. Об этом говорилось в предшествующей главе. В 1551 г. все феодалы были привлечены к уплате основных государственных налогов, а в 1584 г. было издано специальное уложение об отмене монастырских «тарханов».

На втором этапе развитого феодализма сочетание повинностей в вотчинах и поместьях было самым разнообразным. Все исследователи отмечают широкую распространенность в XVI—XVII вв. отработочной ренты прежде всего в форме полевой барщины. Это было присуще поместьям и вотчинам любого ранга. По изученным нами писцовым книгам Троице-Сергиева монастыря конца XVI в. из 33 уездов барщина названа в 28. Этот вид ренты продолжал сохранять натурально-потребительский характер. Стимулом к расширению барщины служила и правительственная политика, о которой также говорилось выше, а именно обеление государством господской пашни. Во второй половине XVI в. такие меры вызывались задачами хозяйственного возрождения запустевших земель. Наибольшего распространения достигает барщина в южных новоосваиваемых уездах страны (Кромы, Елец, Орел, Тамбов, Ливны), но нигде она не стала единственной и абсолютно преобладавшей формой ренты.

Конкретно-историческое изучение самими студентами эволюции феодальной ренты возможно на основе жалованной уставной грамоты патриарха Иова Нижегородскому Благовещенскому и Владимирскому Константино-Еленинскому монастырям 1590 г. Сравнивая этот документ с уставной грамотой конца XIV в., видим более обстоятельно описанную совокупность повинностей для всех крестьян. Спустя 200 лет они стали строго нормированными — окладной единицей в монастырских вотчинах названа *выть*. Находим здесь и барщину — на *выть* по 1,5 десятины ржи и овса, дополняемую натуральным obroком и «издольем». (Материалы по истории СССР. Вып. 2. С. 239—240).

Вопросы и задания

1. В монографии Е. И. Колычевой (Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С. 84—85) найдите таблицу, систематизирующую сведения о фео-

дальной ренте в вотчине Константино-Еленинского монастыря с конца XIV до начала XVII в. Обратите внимание на возрастающую регламентацию феодальных повинностей крестьян и в то же время — на колебания нормативов барщины 1590—1602 г.

2. Что такое выть? О чем свидетельствовало ее введение в светских, монастырских имениях? Как называлась государственная окладная единица? Какими были ее размеры на землях разной социальной принадлежности и разного качества?

3. Найдите упоминания о выти в писцовой книге земель вел. кн. Симеона Бекбулатовича в Тверском у. 1580/81 г. (Материалы... С. 214—216). Какие формы ренты и в каком составе здесь отражены?

4. Познакомьтесь с порядной грамотой крестьянина И. У. Бояринова Спасо-Прилуцкому монастырю 1584 г. (Материалы... С. 218—219). Какие государственные налоги здесь упоминаются? Дайте свое объяснение каждому наименованию.

* * *

До сих пор мы говорили только о крестьянстве как эксплуатируемом населении при феодализме. Не надо, однако, забывать, что феодальную ренту земельные собственники извлекали и из принудительного труда своих *холопов* (рабов). В научной литературе установлено, что крестьянским населением лучше были обеспечены крупные феодальные имения. Удельный же вес холопов во владениях мелкопоместных феодалов был заметнее. Если крестьянские повинности во многом определялись обычным правом, сложившимся в данном комплексе, то эксплуатация холопов зависела исключительно от произвола их господина. Различие между холопами и крестьянами заключалось еще и в том, что первые не имели права уйти от своего господина, тогда как вторые пользовались до конца XVI в. законным и регламентированным правом крестьянского перехода.

Труд холопов продолжал применяться на всем протяжении XVI—XVII вв. вплоть до начала XVIII в., пока холопство как особое сословие не было юридически упразднено реформами Петра I.

* * *

В проблеме ренты важное значение имеет такая ее сторона, как соотношение государственной и владельческой эксплуатации в XVI—XVII вв. В новейших коллективных трудах по крестьяноведению сформулирован вывод о значительном опережении по темпам роста государственно-централизованной ренты частнофеодальной. Например, окладные платежи в государеву казну в имениях новгородских помещиков уже в середине XVI в.

в денежной части превосходили выплаты самим помещикам в 1,6—1,8 или даже в 2,8—4 раза. В монастырских вотчинах центральных уездов крестьянский двор платил в 1630-е годы окладных и неокладных сборов в 2—3,8 раза больше, чем сеньору. Вопрос этот нуждается в дальнейшем изучении. По документации (писцовой и хозяйственной) Троице-Сергиева монастыря за весь XVII в. отмеченная тенденция не прослеживается. Здесь, наоборот, сеньориальная рента в количественном отношении *стабильно* превосходила степень государственного обложения. Сказывался, вероятно, мощный потенциал монастырского иммунитета, накопленный и оформленный в предшествующее время. Все, чего смогло добиться государство в отношениях с этим гигантским корпоративным собственником, — это привлечение к уплате госналогов, которые собирались самой монастырской администрацией и в несоизмеримых с владельческими платежами пропорциях.

Для XVII в. была характерна унификация, выравнивание повинностей крестьян (в пределах одного имения все дворы несли одинаковый комплекс повинностей). Продолжают расти и государственные налоги, и барщина, и денежный оброк. Н. А. Горская разновидностью феодальной ренты справедливо считает оброчную плату крестьян за их внеадельные земли. Распространение практики внеадельного землепользования было эффективным для феодалов способом улавливания возрастающих производственных возможностей крестьянского двора. Становится заметным явление «коммутации» — перевода на деньги прежних натурально-продуктовых взиманий, а кое-где и барщинных повинностей, различных отработок («издоля»). Уже для первой половины XVII в. В. Д. Назаров говорит о начальных этапах складывания товарно-ориентированного домениального хозяйства (в крупных и части средних владений). Сферой вызревания этих тенденций были промыслы, животноводство, нередко и зерновое хозяйство.

Однако более сильной оказалась все же тенденция *феодално-крепостнической эволюции* на втором этапе развитого феодализма и на переходе к позднему феодализму (рубеж XVII—XVIII вв.). В трактовке причин утверждения крепостничества в России у историков до сих пор нет единого мнения. Указываются такие факторы, как усиление государственной и частнофеодальной эксплуатации, вызываемое диспропорцией между ростом потребностей государства и господствующего класса и возможностями крестьянства их удовлетворить; слабость русских городов (она заставляла государство переносить центр тяжести эксплуатации на аграрную сферу); жесточайший хозяйственный кризис 1560—1580-х гг., разрушительные последствия «смуты» («катастрофические» — по выражению В. Д. Назарова); возможность форсированной колонизации окраин страны. Все это вместе взятое могло вызвать закрепостительные меры государства в

1580—1590-х гг. Линия на закрепощение логическое свое завершение нашла в Соборном Уложении 1649 г.

IV.5. Основные тенденции развития позднефеодальной ренты (вторая половина XVII—XVIII в.)

Отметим в этой связи только главное. В 1679—1681 и 1719—1724 гг. государство совершенствует единицы налогообложения, проведя сначала замену посошного обложения подворным, затем этого последнего — подушным. В области владельческой ренты происходит переход от повытной к повенечной системе обложения. Венцом называлась супружеская пара. Феодалы стремятся к максимальному использованию возможностей крестьянских дворохозяйств для увеличения доходов от ренты.

Эволюция ренты в период позднего феодализма заключалась в возрастании барщины и денежного оброка. Происходило становление и укрепление двух основных форм феодального хозяйства — барщинного и оброчно-го. Теперь отработочная рента приобретает товарную, рыночную направленность. В отличие от XII—XVI вв. произведенная барщинным трудом продукция в основной своей массе реализовывалась на рынке. По сравнению с первой половиной XVII в. барщина в 1680—1725 гг. возросла в 4 раза.

Что же касается государственных налогов, то в конце XVII — первой четверти XVIII в. они возросли, с учетом падения курса рубля, более чем в 3,3 раза. О своих финансовых приоритетах государство отчетливо заявило, установив соотношение компонентов в подушном окладе: 74 коп. подушной подати и 40 коп. «оброчных денег за помещиков доход». Ю. А. Тихонов прямо так об этом и пишет: «Претензии казны на большую часть крестьянского прибавочного продукта ярко проявились при введении подушной подати»*.

Интересы помещиков как частных землевладельцев и душевладельцев вступали в противоречие с фискальной политикой правительства. Последовавшая затем в России «революция цен» в XVIII в. способствовала перераспределению крестьянского прибавочного продукта в пользу помещиков. Это произошло вследствие отставания роста налогов от роста цен и помещичьей ренты. За время с 1725 по 1794 г. хлебные цены номинально выросли в 5 раз, тогда как подушная подать оставалась неизменной.

* Тихонов С. М. Помещичьи крестьяне в России. Феодалы и рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974. С. 303.

В 1794 г. Екатерина II повысила подушную подать для 18 губерний с 70 до 85 коп. (+ натуральные сборы) и еще в 18 губерниях до 1 руб. с души. Денежный оброк помещичьих крестьян уже к 60-м гг. XVIII в. составлял до 3 руб., а к концу XVIII в. — до 5—10 руб. с души. Мы видим, насколько в действительности помещичья эксплуатация обгоняла государственную (Ю. А. Тихонов, В. И. Неупокоев).

Темпы развития помещичьего денежного оброка оказывали воздействие на государственную эксплуатацию государственных крестьян и однодворцев. Правительство на протяжении XVIII в. неуклонно повышало оклады оброчных денег. Например, в 1760 г. этот оклад был поднят до 1 руб., то есть в 2,5 раза по сравнению с его размером в момент введения (40 коп. в 1724 г.). В 1783 г. Екатерина II увеличила оброчную подать с государственных крестьян до 3 руб. Таким образом, в эксплуатации своих собственных крестьян государство стремилось к ее повышению до уровня помещичьей.

Вопросы и задания

1. В новейшем школьном учебнике Л. А. Кацвы и А. Л. Юрганова по истории России XVI—XVIII вв. (М., 1997) при изложении податной реформы Петра I (с. 263—264) компоненты подушного оклада (74 коп. подушной подати и 40 коп. «оброчных денег») называются «странными цифрами». Попробуйте объяснить их происхождение. Далее говорится, что общий объем налогообложения возрос почти вдвое. За счет чего, помимо введения подушной подати, это было достигнуто?

2. В том же учебнике (с. 313—314) рассказывается о складывании в России второй половины XVIII в. барщинной и оброчной систем помещичьего хозяйства. Какое географическое распространение имели в стране две эти системы? Для каких крестьян — барщинных или оброчных — в конце XVIII в. ошутимее всего оказалось повышение государственного налогообложения?

3. Какие последствия для отношений феодалов и крестьян имело возложение на помещиков при введении податной реформы ответственности за уплату их крестьянами налогов и выполнения других государственных повинностей (например, рекрутской)?

4. Говоря о Жалованной грамоте Екатерины II дворянству 1785 г. (с. 341) авторы того же учебника считают, что вопрос о крепостном праве в ней был обойден. Но почему же тогда в XIX в. Николай I говорил дворянам: «Вы — моя полиция»?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обучающая задача данного пособия видится автору в том, чтобы помочь углублению теоретического понимания студентами русского исторического процесса на длительном этапе феодального развития. Одним из способов такого углубления автор считает неформальную работу с терминологией, которой пособие, может быть, даже перенасыщено. Неформальную потому, что терминология должна самостоятельно познаваться студентами как на основе научно-исследовательской литературы (например, собственность, иммунитет, рента, корпорация, иерархия и мн. др.), так и в ходе знакомства непосредственно с историческими источниками разного типа (летописи, акты, законодательные памятники, писцовая документация). Знание терминологии во многом определяет качество профессиональной подготовки специалистов-историков. Наиболее оптимальным способом *научного обучения* избранному предмету исторического цикла нам представляется правильно найденное сочетание исследования источников студентами и «погружения» (в доступных объемах) в историографию, в которой эти же *источники* анализируются. Попытаться разобраться, как ученые работают с памятниками, какова их исследовательская лаборатория, какими путями они приходят к тем или иным выводам, как формируется проблематика научных исследований, их спорные, «дискуссионные» узлы — вот к чему должен стремиться *в идеале* молодой специалист-историк.

Мы пытались показать, что динамика и преемственность феодального развития могут быть лучше поняты в рамках определенной принятой периодизации, которая имеет несколько критериев, но, пожалуй, наиболее важные из них — это изменение форм феодальной собственности и государственно-политических институтов. Здесь же не забудем о сравнительно-историческом изучении русского и западноевропейского феодализма, о существовании ряда тождественных по сути явлений и сходных процессов. Для типологии же западного и отечественного феодализма наиболее существенным считается такой признак, как соотношение вотчинно-сеньориальных и государственных форм собственности и эксплуатации. Отличительные черты в «физиономии» русского феодализма были обусловлены сравнительно поздним (в IX—X вв.) началом его вызревания, общей замедленностью процесса феодализации в бессинтезном регионе Восточной Европы, заметным доминированием государственного начала в общественно-политических процессах. Формирование частнофеодальных форм собственности на Руси имело исторически вторичный характер по сравнению с верховной государственной собственностью и вневотчинной в Древней Руси эксплуатацией.

До середины XVI в., пока не была отменена система кормлений, в России сохранялись такие архаичные по своей природе явления, как корпоративно-государственный способ управления и изъятия прибавочного продукта у населения. Архаику здесь можно усматривать в натурально-хозяйственной по преимуществу основе таких отношений, в несформированности государственного аппарата, который был бы отличным от самого господствующего класса.

Экономическая его основа в XVI—XVII вв. — поместно-вотчинная система — в значительной степени создавалась и регулировалась государством. В XVI—XVII вв. рост государственно-централизованной эксплуатации влиял на эволюцию частнофеодальной, владельческой ренты. Соотношение между ними, по мнению ряда авторов, было в пользу первой. В XVIII в. происходит обратное влияние — темпы роста сеньориальной ренты становятся ориентиром для усиления государственного обложения его собственных и помещичьих крестьян.

XVI—XVIII вв. стали временем борьбы двух неравных по своим потенциальным возможностям тенденций развития России — крепостнической и некрепостнической (обе — в рамках феодальной модели). Общая совокупность условий и факторов, а также привходящих исторических обстоятельств сложилась так, что верх одержала все-таки первая тенденция. Страна пошла по феодально-крепостническому и самодержавному пути на позднем этапе феодализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов. XV — начало XVII в. М., 1998.
- Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 1998.
- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952—1964. Т. I—III.
- Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. М., 1951—1956. Ч. I—II.
- Материалы по истории СССР. Для семинарских и практических занятий / Под ред. А. Д. Горского. Вып. 2. Русская феодальная деревня XI—XVI вв. М., 1885.
- Нагаев А. С. Практикум по истории СССР с древнейших времен до XVIII в. М., 1985. Ч. 2.
- Памятники русского права. М., 1951—1955. Вып. I—III.
- Российское законодательство X—XX вв. М., 1985. Т. I—IV.
- Сборник документов по истории СССР. Для семинарских и практических занятий / Под ред. В. В. Мавродина. М., 1970—1972. Ч. I—III.

Исследования

- Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1965.
- Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси в XIV—XV вв. Л., 1980.
- Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в. // История СССР. 1972. № 3.
- Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: (Введение подушной подати в России, 1719—1728 гг.). Л., 1982.
- Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Бессмертный Ю. Л. Сеньориальная и государственная собственность Западной Европы и на Руси в период развитого феодализма // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов н/Д., 1980. С. 21—37.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.
- Булыгин И. А. Борьба государства с феодальным иммунитетом в конце XVII в. // Общество и государство феодальной России. Сб. ст., посвящ. 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 327—333.
- Булыгин И. А. Монастырские крестьяне в первой четверти XVIII в. М., 1977.
- Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 60—99.
- Васильев Ю. С. Аграрные отношения в Поморье в XV—XVII вв. Сыктывкар, 1979.
- Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М.; Л., 1926.
- Веселовский С. Б. Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. М.; Л., 1974.
- Водарский Я. Е. Дворянское землевладение в России XVII — первой половины XIX в. М., 1988.
- Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986.

- Горский А. А. Феодализация Руси: основное содержание процесса // Вопросы истории. 1986. № 8.
- Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1988.
- Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960.
- Горский А. Д. О вотчинном суде на Руси в XIV—XV вв. // Россия на путях централизации. Сб. ст. М., 1982.
- Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. М., 1977.
- Граменицкий Д. С. К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета // Средние века. М., 1946. Вып. 2. С. 135—153.
- Гутнова Е. В. К вопросу об иммунитете в Англии // Средние века. М., 1951. Вып. 3. С. 101—125.
- Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 107—123.
- Гутнова Е. В. Английское феодальное государство в XIV—XV вв. // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 59—74.
- Горянов Б. Т. Поздневизантийский иммунитет // Византийский временник. М., 1956. Т. XI. С. 177—199; М., 1957. Т. XII. С. 97—116.
- Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962.
- Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Данилова Л. В. Сельская община средневековой Руси. М., 1994.
- Дементьев Е. И. Соборные приговоры как источник по истории монастырского хозяйства в конце XVII в. // Исторические записки. М., 1978. Т. 101. С. 343—357.
- Жак Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. Перев. с франц. М., 1993.
- История крестьянства Европы. Эпоха феодализма. М., 1985—1986. Т. I—III.
- История крестьянства СССР. М., 1990. Т. II.
- История крестьянства России. М., 1993. Т. III.
- История северного крестьянства. Архангельск, 1984. Т. I.
- Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о феодальной ренте // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. Сб. ст. М., 1970. С. 148—199.
- Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России (I) // История и историки. Историография истории СССР. Сб. ст. М., 1965. С. 270—312.
- Каштанов С. М. К историографии крепостного права в России (II) // История и историки. Историографический ежегодник. 1972. М., 1973. С. 126—141.
- Каштанов С. М. Ранняя советская историография иммунитета в России (III) // История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976. С. 148—188.
- Каштанов С. М. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1959. № 4. С. 106—121.
- Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1987.
- Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1987.
- Каштанов С. М. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // История СССР. 1985. № 4. С. 118—136.
- Колесницкий И. Ф. Эволюция раннефеодального областного и местного государственного устройства и рост вотчинной власти в Германии в IX — первой половине XII в. // Средние века. М., 1957. Вып. IX. С. 132—194.
- Колычева Е. И. Аграрный строй России в XVI в. М., 1987.

- Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976.
- Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой Руси (XV—XVI вв.). М., 1985.
- Котляров А. Н. Проблемы русского феодализма. Томск, 1988—1993. Вып. 1—5.
- Копанев А. И. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.; Л., 1951.
- Кочин Г. Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965.
- Медведев Е. М. Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма // Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. Сб. ст. памяти И. М. Рейснера. М., 1972. С. 15—43.
- Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3.
- Милов Л. В. Общее и особенное российского феодализма (Постановка проблемы) // История СССР. 1989. № 2.
- Милов Л. В. Великорусский крестьянин и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Мильская Л. Т. Аллод в системе феодального землевладения // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 173—184.
- Михаловская Н. С. Каролингский иммунитет // Средние века. М.; Л., 1946. Вып. 2. С. 154—189.
- Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII — начале XIX в. М., 1987.
- Новосельский А. А. Вотчинное хозяйство в XVII в. М.; Л., 1929.
- Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.
- Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных отношениях на Востоке (азиатский способ производства). М., 1966.
- Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм). Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. М., 1989. Вып. I—II.
- Общество, государство, право России и других стран Европы. Норма и действительность. Ранний и развитой феодализм. Чтения, посвященные памяти академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина. М., 1983.
- Полянский Ф. Я. Проблемы политэкономии феодализма в трудах классиков марксизма-ленинизма. Курс лекций. М., 1983.
- Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954.
- Поршнева Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
- Представления о собственности в российском обществе XV—XVIII вв. М., 1998.
- Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Сб. ст. Л., 1972.
- Проблемы развития феодальной собственности. Сб. ст. М., 1979.
- Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988.
- Рапов О. М. Княжеские владения на Руси X—XIII вв. М., 1979.
- Рапов О. М. К вопросу о боярском землевладении на Руси в XII—XIII вв. // Польша и Русь. Сб. ст. М., 1974. С. 190—207.
- Сахаров А. Н. Русская деревня в XVII в. По материалам Патриаршего хозяйства. М., 1967.
- Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. Л., 1984.

- Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. Система государственного феодализма в России / Под ред. Л. В. Даниловой. М., 1993. Вып. I—II.
- Смирнов И. И. Судебник 1550 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 296—313.
- Смирнов И. И. Очерки социально-экономической истории Руси XII—XIII вв. М., 1963.
- Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси // История СССР. 1962. № 2—3.
- Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства в 30—50-е годы XVI в. М.; Л., 1957.
- Тихомиров Б. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. Кн. 3. С. 3—25.
- Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1985.
- Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне России. Феодальная рента в XVII — начале XVIII в. М., 1974.
- Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 124—153.
- Флоря Б. Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов в России во второй половине XV — первой половине XVI в. // История СССР. 1972. № 1. С. 48—71.
- Флоря Б. Н. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств // Польша и Русь. М., 1974. С. 308—334.
- Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992.
- Хачатурян Н. А. Налоговая политика французской сословной монархии в XIV—XV вв. // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 113—137.
- Хвостова К. В. Некоторые вопросы истории иммунитетных грамот македонских монастырей в XIV в. // Византийский временник. М., 1961. Т. XIX. С. 38—59.
- Хвостова К. В. Количественный подход к средневековой социально-экономической истории. М., 1980.
- Хвостова К. В. Социально-экономические процессы в Византии и их понимание византийцами-современниками (XIV—XV вв.). М., 1992.
- Хвостова К. В., Фини В. К. Гносеологические и логические проблемы исторической науки. М., 1995.
- Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981.
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1949—1951. Вып. I—II.
- Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960.
- Черепнин Л. В. К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян // Славяне и Россия. К 70-летию С. А. Никитина. М., 1972. С. 63—70.
- Черкасова М. С. Древнейшая ярославская жалованная грамота XIV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Вып. XIX. С. 38—52.
- Черкасова М. С. О борьбе помещиков за землю в конце XV — первой половине XVI в. // История СССР. 1989. № 5. С. 47—59.
- Черкасова М. С. Землевладение Спасо-Ярославского монастыря в XIV—XVI вв. // Ярославская старина. Ярославль, 1996. Вып. III. С. 23—32.
- Черкасова М. С. Землевладение Тронце-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996.

Черкасова М. С. Монастырский иммунитет в XVII — начале XVIII в. (По хозяйственному архиву Троицы) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI—XIX вв. М., 2000. С. 241—262.

Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 57—72.

Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономического развития Руси в XIV—XVII вв. Л., 1968.

Шапиро А. Л. Русское крестьянство перед закрепощением (XV—XVI вв.). Л., 1987.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России в первой трети XVII в. М., 1990.

Шватченко О. А. Светское феодальное землевладение в России. Вторая половина XVII в. М., 1996.

Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы. М., 1976.

Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972.

Щапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси. М., 1989.

Щапов Я. Н. К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII—XIV вв. // Польша и Русь. М., 1974. С. 172—187.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Обзор изучения феодализма в историографии XVIII—XX вв.	
I.1. Начало изучения феодализма.....	5
I.2. Изучение феодализма в русской историографии XVIII в.	5
I.3. Изучение феодализма в русской историографии XIX — первой трети XX в.	6
I.4. Изучение феодализма в XX в.	7
I.5. Изучение феодализма в 50-х — начале 90-х годов XX в.	9
I.6. Периодизация феодализма в Европе.....	11
Глава II. Феодальная собственность на землю в XI—XVII вв.	
II.1. Теоретические аспекты проблемы.....	15
II.2. Генезис земельной собственности в Древней Руси (IX—XII вв.).....	16
II.3. Вотчинная система Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIII—XV вв.	20
II.4. Поместно-вотчинная система Московской Руси XVI—XVII вв.	25
II.5. Церковно-монастырское землевладение на Руси в XIV—XVII вв.	33
Глава III. Феодальный иммунитет	
III.1. Теоретические аспекты проблемы.....	39
III.2. Иммунитет в средневековой Руси:	
а) церковно-монастырский иммунитет.....	42
б) иммунитет светских феодалов в России.....	50
Глава IV. Феодальная рента в России XI—XVII вв.	
IV.1. Теоретические аспекты проблемы.....	54
IV.2. Рента на Руси в период раннего феодализма (IX—XII вв.).....	56
IV.3. Рента на первом этапе развитого феодализма (XII—XV вв.)	59
IV.4. Рента на втором этапе развитого феодализма (рубеж XV—XVI — середина XVII в.)	60
IV.5. Основные тенденции развития позднефеодальной ренты (вторая половина XVII—XVIII в.).....	64
Заключение.....	66
Библиография.....	68

М. С. ЧЕРКАСОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ
Учебное пособие

Редподготовка — ***Л. И. Безнина, Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудряцева***

Оригинал-макет — ***О. М. Ванчугова***

ЛР № 021076 от 18. 09. 96. Подписано к печати 25. 10. 2000. Формат 60x84/16.

Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,2. Уч-изд. л. 5,1.

Заказ № 130. Тираж 100 экз. Цена руб. коп.

160600, г. Вологда, С. Орлова, 6, ВГПУ, издательство «Русь».

Отпечатано в литографии Северного лесоустроительного предприятия

160014, г. Вологда, Некрасова, 51.